

Анализ категории психического

§ 10. Современная психология и теоретические трудности определения специфики психических явлений

Пытаясь в предыдущей главе очертить круг физиологических явлений, мы исходили из общепринятых характеристик физиологии. Было бы вполне естественным таким же образом подойти и к рассмотрению специфики психических явлений, поскольку они составляют предмет психологии. Однако общепринятого определения психологии, к сожалению, не существует. Это равнозначно отсутствию общепринятого понимания психических явлений. Термин «психическое» — один из самых широко употребляемых в современном научном обиходе — влечет за собой пестрый шлейф, сотканный из различных значений и смыслов. И в таком виде он фигурирует в качестве краеугольного камня психологии, отображая ее теоретическую несобранность.

Создается впечатление, что в последнее время эта теоретическая несобранность менее остро переживается психологами по сравнению с первой четвертью нашего века, когда общетеоретические вопросы постоянно ставились в центр внимания и горячо дискутировались. Сейчас весьма редко встречаются основательные теоретические работы, в которых бы предпринималась попытка обзора и систематизации всего психологического «хозяйства» и ставилась задача анализа общих теоретических проблем. Эта задача, кстати, все более усложняется по мере бурного развития экспериментальной и прикладной психологии, наблюдаемого в последние десятилетия, по мере возникновения новых отраслей психологических исследований и их сращения с кибернетикой, нейрофизиологией, медициной, социологическими дисциплинами, по мере неудержимого роста эмпирического материала, частных обобщений и концепций. Чем объяснить это разительно бьющее в глаза отставание в разработке общетеоретических вопросов (оттеняемое еще сильнее успехами частных и прикладных исследований)? Тем, что с ним прочно свыклись, убедившись к тому же, что оно не лишает психологию прогрес-

сивного развития? Сознанием того, что до сих пор подобная работа была малоэффективной, и подозрением, что для нее вообще не созрели условия? Пугающими сложностями анализа гигантского материала? Или тем, что психологи устремились в погоню за реальными, конкретными, практически осязаемыми частными результатами и у них уже не остается возможностей для углубленных теоретических исследований и размышлений? По-видимому, все перечисленные факторы (и, наверное, целый ряд других обстоятельств как субъективного, так и объективного плана) могут быть привлечены для объяснения причин слабой разработки теоретических вопросов психологии. Но как бы там ни было, факт серьезного отставания теории в данном случае допустимо поставить в прямую связь с недостаточными усилиями современной психологической мысли в ее разработке.

Это проявилось, на наш взгляд, и в работе XVIII Международного психологического конгресса. Отмечая «трудности теоретического осмысления накопленных фактов, трудности построения системы психологической науки» (А. Н. Леонтьев, 1966а, стр. 48), А. Н. Леонтьев в своей содержательной президентской речи подчеркивает важную роль для построения общей теории психологии понятия отражения в его диалектико-материалистическом истолковании, глубоко и вместе с тем лаконично освещает ряд узловых вопросов построения этой теории, но, к сожалению, нигде не дает определения психологии, ее предмета и специфических для нее познавательных задач.

Не найдем мы попыток определения предмета психологии и в обширном сообщении Ж. Пиаже, сделанном на конгрессе по теме «Психология, междисциплинарные связи и система наук». Ж. Пиаже показывает усиливающиеся взаимосвязи психологии с математикой, физикой, биологией, общественными науками; он приходит к выводу, что «психология занимает ключевую позицию в системе наук» (Ж. Пиаже, 1966, стр. 73). Однако его анализ серьезно проигрывает из-за того, что понятие психологии берется как нечто само собой разумеющееся; поскольку же совершенно отсутствует предварительное описание специфических черт психологии, взаимосвязи последней с остальными науками не могут быть выражены удовлетворительно. К тому же Ж. Пиаже оставляет в тени вопрос о соотношении психологии и нейрофизиологии, хотя именно этот пункт анализа приобретает сейчас особенную теоретическую актуальность¹. Подобный

¹ Стремление обойти такого рода вопросы характерно для многих ведущих современных психологов. Так, например, в рецензии на книгу А. Р. Лурия «Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга» М. Г. Ярошевский (1963) справедливо упрекает автора в том, что он не рассматривает соотношения между нейрофизиологическими и психологическими (а также кибернетическими) способами описания деятельности мозга.

уход от разработки вопроса о сущности психических явлений и специфичности предмета психологии мог бы быть проиллюстрирован и на материалах последнего международного психологического конгресса.

В равной мере недостаточное внимание общетеоретическим проблемам уделяет, на наш взгляд, журнал «Вопросы психологии», в котором за последние годы опубликованы лишь две небольшие статьи, посвященные рассмотрению системы психологических понятий (Н. А. Соколов, 1964; Б. Ц. Бадмаев, 1965).

В статье Н. А. Соколова отмечается, в частности, что предпринимавшиеся в двадцатых годах попытки перевести советскую психологию на реактологические основы (К. Н. Корнилов, П. П. Блонский и другие) не завершились успехом и в настоящее время принятая в советской психологии система понятий мало чем отличается от той, которая господствовала в эмпирической и экспериментальной психологии конца XIX в. Эта система понятий, по словам Н. А. Соколова, сковывает развитие психологии, так как не отображает новейшей проблематики и некоторых давно уже поставленных вопросов. К тому же она содержит «принципиальные неясности», касающиеся прежде всего содержания таких исходных понятий, как психика и сознание. Н. А. Соколов вполне справедливо указывает на «необходимость пересмотра системы психологических понятий» (Н. А. Соколов, 1964, стр. 170).

Но отсюда не вытекает, конечно, что обобщения старой эмпирической психологии должны игнорироваться (речь идет прежде всего о таких понятиях, как ощущение, восприятие, память, характер и т. п.). По нашему убеждению, они недостаточны сами по себе, однако отображают реальные фрагменты и свойства целостной психической деятельности и при соответствующей интерпретации могут использоваться в новейших теоретических построениях.

Понятие о психическом всегда находилось под сильным влиянием философии, причем это естественное и неустранимое влияние иногда было настолько сильным, что стиралась психологическая специфичность указанного понятия и значительно обеднялось его содержание. Часто встречающееся отождествление понятия о психических явлениях с философской категорией сознания неправомерно и создает дополнительные трудности в анализе сущности психического. Следует согласиться с болгарским философом Д. Василевым (1965), который выступает против подмены психологических понятий философскими (это относится, прежде всего, к категории психического).

Подлинный масштаб трудностей, связанных с анализом категории психического, вырисовывается в полном объеме, когда предпринимается попытка обозреть все отрасли и направления современной психологии, все то множество частных обобщений

и концепций, которые выросли в последние десятилетия на основе бурного развития экспериментальных и прикладных исследований, включавших широкое использование идей и методов, почерпнутых из других дисциплин (математики, кибернетики, лингвистики, социологии и т. д.). Психология проявила за последние десятилетия еще большую «всеядность», чем физиология — в смысле использования для своих целей всевозможных средств, взятых из математических, технических, естественных и социальных дисциплин. В результате ассимиляции этих средств и успехов, достигнутых в их использовании, психология необыкновенно расширила свои взаимосвязи с другими дисциплинами, но тем самым усилила размыв, аморфность своих границ, что также значительно усложняет задачу выявления общих и специфических признаков психических явлений.

Все дело в том, что категория психического не может рассматриваться отдельно от современной психологии со всеми ее отражениями и разделами. Категория психического есть основное понятие психологии, и в качестве такового оно должно отображать общее и в то же время специфическое для всех психологических исследований (точнее говоря, для всего многообразия целей и результатов психологических исследований). Категория психического оформляется и развивается на базе психологических исследований и вне связи с последними утрачивает смысл².

Всякое понятие приобретает определенное содержание (как это хорошо показал в последнее время П. Ф. Йолон, 1967) лишь постольку, поскольку оно входит в определенную систему знания. Вне системной принадлежности понятия его содержание не может быть раскрыто. Это в полной мере относится и к категории психического, которая должна рассматриваться прежде всего в системе психологических понятий.

Категория психического по своему происхождению, содержанию и логическим функциям есть психологическое понятие и поэтому может быть осмыслена и определена только посредством выявления специфики психологических исследований. Но приняв это положение, мы сразу же сталкиваемся с первой теоретической трудностью дальнейшего анализа: необходимостью определения специфики всякого психологического исследования, т. е. предмета психологии. Систематическое и всестороннее обсужде-

² Причисление понятия о психическом к компетенции психологии ни в коем случае не означает полной независимости указанного понятия от философии. Такого рода зависимость, как уже отмечалось, неустранима, как неустранима зависимость от философской интерпретации любой иной категории всякой научной дисциплины. При этом, конечно, естественно подчеркивать особую близость категории психического — в силу общеизвестных исторических и логических причин — к сфере философских интересов. близость ее и более непосредственную связь с рядом философских категорий, что и служило поводом для неоправданного ее поглощения философией.

ние этого вопроса представляет собой чрезвычайно сложную задачу, которая не может быть решена в рамках данной работы. Поэтому мы попытаемся затронуть вопрос о предмете психологии в самых общих чертах.

Современная психология может быть разбита на два раздела: психологию животных и психологию человека. Оба этих раздела имеют, разумеется, ряд общих для них проблем и опираются на ряд общих для них теоретических принципов. Однако социальная природа человека и первостепенная научная заинтересованность в познании человека делают второй раздел качественно своеобразным как по его проблематике и методам исследования, так и по актуальности возникающих здесь теоретических и практических задач. Мы ограничимся в дальнейшем только психологией человека, прибегая лишь в самых необходимых случаях к материалам из области психологии животных.

Если просуммировать цели всех существующих отраслей современной психологии, цели всех разнонаправленных психологических исследований, то довольно отчетливо вырисовывается общая результирующая цель — личность. Именно человек как *личность* образует главную цель психологии и ее специфический предмет исследования (то обстоятельство, что та или иная из отраслей психологии — например, социальная психология — выдвигается за пределы категории личности, исследует некоторые аспекты межличностных отношений, вряд ли способно опровергнуть это положение, ибо ни один предмет исследования не является жестко ограниченным; личность органически связана с коллективом, и эта связь в абстрактном виде необходимо включена в понятие личности как таковой, хотя бы через определение ее социальной природы; тот сдвиг плоскости исследования, который наблюдается в пограничной области каждой дисциплины, существенно не меняет ядро ее предмета).

Предмет психологии нельзя представить в виде некоторого монолита, ибо он многообразно расчленен внутренне, и именно из объединения всех устойчивых и преобразующихся аналитических продуктов воссоздается то динамическое целое, которое охватывается понятием личности. Предмет психологии включает весь комплекс вопросов, связанных с формированием и развитием личности, ее различными аналитически вычленяемыми и соотносимыми друг с другом свойствами (причем под свойствами, понимаемыми в данном случае в широком смысле, имеются в виду не только характер, темперамент, способности и т. п., но и мышление, эмоциональное состояние, волевое усилие, действие, процесс чувственного восприятия, т. е. все выделяемые на различных уровнях и в различных плоскостях психологического исследования качества и операции). Понятие личности является той «системой отсчета», которая определяет специфику психологического исследования и которая призвана

выполнять функцию упорядочения, соотнесения всевозможных апалитических результатов как традиционных, так и новейших направлений психологических исследований³.

Любые аналитические исследования в психологии так или иначе тяготеют к этой «системе отчета», от которой нельзя безнаказанно полностью абстрагироваться. Даже те самые узкие направления, которые нацелены на изучение, скажем, зрительного восприятия или слуховых ощущений, с необходимостью должны учитывать личностные факторы, обозначаемые терминами «мотивация», «установка», «интеллектуальный уровень», «интересы» и т. п. Более того, развитие психологии все более убедительно показывает, что без учета тако~~го~~ рода факторов невозможно осмыслить закономерности формирования и протекания отдельных психических процессов (ощущений, восприятий, памяти и др.). В свою очередь, результаты аналитических исследований постепенно обогащают и заметно преобразуют понятие личности, что оказывает обратное воздействие на ход аналитических исследований, придавая им новые направления, открывая новые ракурсы связывания частных и объяснения отдельных свойств и операций в их взаимозависимостях (с последующим включением этих динамичных «блоков» в целостный контекст представлений о личности). Другими словами, структура предмета психологии не является статичной; будучи диалектически противоречивой, она внутренне динамизированна, воплощает постоянное взаимодействие целого и частного, переменную интенсификацию процессов дифференциации и синтеза в своих различных локальных областях; и именно в таком виде представляет углубляющуюся теоретическую картину личности. Поэтому неоправдано чрезмерное обособление учения о личности как особой отрасли психологии, от тех ее отраслей, которые держат в фокусе исследовательской работы отдельные свойства или стороны целого.

Если согласиться, что предметом психологии является личность, то тогда посредством понятия личности можно очертить в первом приближении весь круг психических явлений. Тогда все множество психических явлений допустимо рассматривать как все множество предикатов личности. Иначе говоря, всякое психическое явление есть то, что обозначается как предикат личности. Этим дается и наиболее абстрактное определение категории психического.

³ В последнее время это было настоятельно подчеркнuto К. К. Платоновым, рассмотревшим основные черты личностного подхода как ведущего принципа психологии. По словам К. К. Платонова, «личностный подход как общий принцип психологии заставляет рассматривать любое конкретное психическое явление у человека, будь то отдельный психический процесс, состояние или свойство личности, как единичное явление, истинно выделенное из общей структуры личности или ее деятельности» (К. К. Платонов, 1969, стр. 217).

Попытаемся теперь конкретнее рассмотреть категорию психического, имея в виду то обстоятельство, что она обнимает собой не только все известные психические явления, но также и неизвестные (эта особенность, присущая всякой категории, уже отмечалась в § 7). В указанных целях проанализируем наиболее распространенные общие определения психического, представленные в современной научной литературе. Можно выделить четыре разных определения, сравнительно четко выступающих у многих авторов (эти определения не всегда противопоставляются друг другу как альтернативные; но нас пока интересует вопрос о логической правомерности каждого из них в отдельности).

Как уже отмечалось в § 5, многие физиологи, психологи и философы определяют психическое как нервный процесс, как высшую нервную деятельность. По мнению П. С. Купалова, «психическое явление представляет собой сложный нервный процесс» (П. С. Купалов, 1963, стр. 146). Таково первое определение. Защищается оно иногда весьма решительно и при помощи философских аргументов, образцом чего служит следующее высказывание: «Материалистический подход не может делать различий между понятиями психической деятельности и высшей нервной деятельностью» (J. Lata, J. Madlafousek, 1960, s. 49). Однако с этим нельзя согласиться, так как отождествление понятий психического и высшей нервной деятельности обязательно только с позиций вульгарного материализма и по существу ведет к ликвидации специфики психических явлений, к устранению психологии, правда, мнимому.

Посмотрим, насколько правомерно в логическом отношении определение, данное П. С. Купаловым. Содержащийся в этом определении рациональный момент заключается в указании на необходимую связь психического явления со сложным нервным процессом. Этим подчеркивается существенная общая черта всех психических явлений, но отнюдь не их специфическая черта. Ибо не всякий сложный нервный процесс есть психическое явление (т. е. необходимо связан с психическим явлением), а главное, само по себе понятие нервного процесса совершенно не схватывает, упускает такие свойства психических явлений, как субъективность и предметная содержательность. Возьмем какое-либо простое психическое явление, скажем, ощущение синего цвета. Достаточно ли будет для определения оригинальности этого явления сказать, что оно есть нервный процесс? Когда мы испытываем ощущение синего, то разве ответственный за это субъективное состояние нервный процесс тоже синего цвета? Даже если мы во всех деталях выясним, что происходит в нашем головном мозгу, когда мы испытываем ощущение синего, то и в этом случае утверждение, что ощущение синего есть нервный процесс, окажется неправомерным,

ибо мы получим нейродинамический эквивалент, а не само субъективное отображение свойства внешнего объекта, непосредственно данное личности. Определение психического явления в качестве сложного нервного процесса обходит именно оригинальное в психическом явлении и постольку не может считаться удовлетворительным.

Проанализируем второе определение. Оно состоит в том, что психическое характеризуется как действие или поведенческий акт. Такое определение психического, весьма широко распространенное в современной психологии и смежных с нею дисциплинах, употребляется с разным теоретическим акцентом и в разных смыслах. У бихевиористов оно всегда рассматривалось как единственно приемлемое; у представителей других психологических направлений такое определение используется лишь в качестве характеристики одного из аспектов психического и соотносится с иными определениями.

При этом близкие друг другу термины «действие», «деятельность», «поведение» наполняются зачастую неодинаковым содержанием. Так, бихевиористы и тяготеющие к этому направлению исследователи, определяя психическое как поведение, понимают под последним, по словам Д. О. Хебба, «внешне наблюдаемую деятельность мышц и желез внешней секреции, которая проявляется в форме движения частей тела или в форме появления слез, пота, слюны и т. д.» (D. Hebb, 1958, p. 2). Подобное узкое понимание поведенческого аспекта не улавливает специфики психических явлений как внутренних субъективных состояний личности. Действительно, большинство психических явлений непосредственно связаны с внешне наблюдаемыми эффектами в тех или иных системах организма. Однако экстеродвигательные акты или внешние секреторные изменения весьма бедно характеризуют психические явления. К тому же не всякий внешний акт указанного рода непосредственно связан с психическими явлениями (он может осуществляться на допсихическом уровне) и в свою очередь не всякое психическое явление непосредственно связано с внешним двигательным или секреторным изменением. В последнем случае психическое явление непосредственно связано с комплексом эффекторных изменений иного рода (внутренними соматическими сдвигами, идеомоторными актами и т. п.); те специализированные центральные процессы, которые ответственны за субъективные состояния личности, по-видимому, в какой-то мере всегда «затывают», по выражению А. Н. Леонтьева, на моторные пути, создавая слабые эффекты в мышечных группах речевого аппарата и других органов, вовлечение которых в деятельность становится высоко вероятным в зависимости от содержания субъективных состояний данного интервала. Эти слабые эффекты, входящие в состав вероятностного механизма предуготов-

ления, преднастройки исполнительных органов, следует отличать от внешних двигательных и внешних секреторных актов. Но даже если расширить понятие поведения в смысле Д. Хебба за счет включения в него указанных слабых эффектов и прибавить еще к нему понятие внутренних соматических сдвигов, то и с такими средствами нельзя будет в достаточной мере определить специфику психических явлений, ибо эти средства неадекватны для описания психических явлений с их содержательной стороны.

Существует, однако, другая концепция поведения, выходящая за пределы чисто биологического описания и оперирующая гораздо более крупными единицами (в которых отдельные внешние акты, фиксируемые в соответствующих органах, содержатся в «снятом» виде). Здесь поведение мыслится как взаимодействие личности с внешними объектами, направляемое целями и задачами личности. Согласно А. Н. Леонтьеву, структурными единицами поведения выступают отдельные предметные действия (образующие в итоге сложный вид деятельности) и операции, т. е. способы выполнения действий. Преимущество такого понимания поведения заключается в том, что оно стремится охватить не только внешний план деятельности личности, но и внутренний, субъективный план ее деятельности.

На этой основе ряд советских психологов разрабатывают концепцию умственных действий, подчеркивающую принципиальное единство внешней и внутренней деятельности (А. Н. Леонтьев, 1959; П. Я. Гальперин, 1959; А. Н. Леонтьев и П. Я. Гальперин, 1964, и другие). Согласно этой концепции, базирующейся на большом экспериментальном материале, внутренние умственные действия и операции происходят из внешних. Перенесение последних во внутренний план осуществляется процессом интериоризации, в результате которого внешние действия и операции претерпевают некоторые преобразования («свертываются», редуцируются, обобщаются). В дальнейшем умственные действия переводятся во внешний план, экстериоризуются, что представляет собой процесс практической деятельности личности в собственном смысле слова. Таким образом, понятие деятельности, поведения, воплощает в себе единство внутреннего и внешнего.

Взятое в этом смысле, понятие деятельности становится способным описывать психические явления с их содержательной стороны. Но здесь возникает вопрос: в состоянии ли оно быть определителем всякого психического явления? Справедливо ли утверждать, что всякое психическое явление, протекающее во внутреннем плане, есть (и с содержательной и с оперативной стороны) интериоризованное внешнее действие? В отношении большого класса психических явлений, протекающих во внутреннем плане, это не вызывает сомнений. Однако этот класс

психических явлений скорее всего включает только сравнительно простые по своей структуре процессы; сюда относятся все шаблонные и логически упорядоченные операции, весь поверхностный слой движения мысли (в широком понимании этого термина), те аналитические и синтетические акты, которые имеют свои чувственные аналоги в практических действиях личности.

Но существуют такие действия во внутреннем плане, для которых внешние чувственные аналоги вряд ли могут быть подысканы. Достаточно указать на тот разряд психических явлений, который представлен областью подсознательного, на явления интуитивного решения задачи, антиципации, формирования волевого усилия и т. д. Конечно, и в этих случаях можно найти крайне общие оперативные аналогии с внешними действиями (расчленение и соединение, симультанность и сукцессивность действий и т. п.), но такого рода аналогии будут выражать слишком общие преобразования и под них без труда можно подвести любые процессы, в том числе типичные и для неживой природы.

Некоторые психические явления не могут быть определены как интериоризованные внешние действия по той причине, что внутренний план действий богаче и динамичнее по сравнению с внешним. Это естественно, так как внутреннее моделирование на уровне головного мозга не воспроизводится внешне во всех своих звеньях и нюансах. Мы имеем здесь, по существу, два различных класса динамических систем. Внешние действия и их комплексы, образующие сложные формы поведения, программируются головным мозгом, но психические процессы далеко не исчерпываются формированием и реализацией программ внешних действий, а внутренние действия далеко не всегда могут быть сведены к тому, что подлежит последующей экстериоризации и что в принципе способно быть экстериоризовано. Поскольку всякое внешнее действие всегда внутренне опосредовано, т. е. формулируется, запускается и корректируется на уровне головного мозга (эти процессы, кстати, носят отчетливо выраженный вероятностный характер), то имеются основания выводить внешние действия из внутренних, а не наоборот.

Мы не претендуем, разумеется, на полный анализ этого сложного и слабо исследованного вопроса и ограничились лишь несколькими соображениями относительно степени общности концепции умственных действий, которая представляет большой теоретический интерес, так как стремится разрешить фундаментальную проблему соотношения поведенческого аспекта психических явлений с их содержательно-субъективным аспектом. Однако используемый в ней принцип выведения структуры внутренних действий из структуры внешних действий, как нам кажется, распространим главным образом лишь на проблему

обучения, что придает ей частный характер. Но основная идея этой концепции о единстве внешних и внутренних действий является очень глубокой, хотя следует признать, что в настоящее время она еще недостаточно основательно разработана⁴. Поэтому, несмотря на чрезвычайно существенный характер связи субъективных явлений и поведения (как внешне фиксируемых действий и их сложных образований), несмотря на то, что во многих случаях они фактически неразделимы, понятие поведения не может использоваться для определения всякого психического явления, ибо некоторые психические явления нельзя описать с их содержательной и оперативной стороны посредством содержательных и оперативных свойств поведенческого акта; это, по-видимому, можно рассматривать как следствие того, что некоторые психические явления протекают автономно по отношению к поведенческим актам, выявляясь объективно во внешних органах лишь слабыми эффектами, не достигающими ранга деятельности⁵.

Рассмотрим кратко третье определение, характерное для марксистской философской и психологической литературы. Мы имеем в виду определение психического как идеального. В отличие от понятий сложного нервного процесса или поведения (в узком смысле), которые могут характеризовать не только психические явления, понятие идеального выражает специфическую черту только психических явлений. За пределами психического идеальное не существует (но за пределами психического, т. е. на допсихическом уровне, осуществляются и нервные процессы, и моторные акты). Идеальность есть исключительное свойство психических явлений. Но присуще ли это свойство всем психическим явлениям? Можно ли утверждать, что понятие идеального охватывает все психические явления? На эти вопросы следует ответить отрицательно, так как нельзя приписать свойство идеальности, например, подсознательным психическим явлениям; кроме того, понятие идеального непосредственно неприменимо к таким свойствам личности, как память, темперамент, одаренность, характер и т. п.

Указание на то, что данное явление обладает признаком идеальности, достаточно для того, чтобы отнести данное явление к категории психических. Наоборот, указание на то, что данное явление не обладает признаком идеальности, еще не является достаточным основанием для исключения его из этой

⁴ Некоторые авторы полностью включают поведение в психическую деятельность, другие же разграничивают эти понятия. Так, например, Л. Б. Ительсон (1965), рассматривая проблему моделирования психики, обозначает посредством терминов «психическая деятельность» и «поведение» различные системы функций.

⁵ Ряд существенных критических замечаний в адрес концепции умственных действий высказан С. Л. Рубинштейном и Л. И. Анциферовой (см. С. Л. Рубинштейн, 1959, стр. 253 и др.; Л. И. Анциферова, 1969, стр. 102—108).

категории. А постольку понятие идеального само по себе также не способно раскрыть специфику *вдох* психических явлений.

Наконец, широко распространено еще одно определение, претендующее на краткое описание специфики психических явлений. Речь идет об определении психического как субъективного (субъективного состояния, субъективного действия, субъективного образа и т. п.). Термин «субъективное» используется, как известно, в разных значениях, которые к тому же весьма слабо очерчены (в § 12 мы попытаемся подробно проанализировать понятие субъективного в его взаимоотношениях с понятиями идеального и психического). Отметим, что понятие субъективного обычно служит для обозначения явлений, составляющих внутренний план личности и качеств личности вообще; оно приложимо (в отличие от понятия идеального) не только к осознаваемым, но также и к незнанным психическим явлениям.

В этом отношении определение психического как субъективного имеет преимущества перед рассмотренными нами тремя предыдущими определениями. Однако для того чтобы принять понятие субъективного в качестве общего и специфического определения всего класса психических явлений, оно должно быть вначале соответствующим образом интерпретировано и ограничено.

Трудности анализа категории психического заключаются в том, что все те понятия, которые обычно используются для характеристики психического, сами являются недостаточно определенными и нуждаются в предварительном анализе, связанном с меньшими трудностями. И нужно признать, что способ оперирования всеми этими понятиями при обсуждении теоретических вопросов психологии очень сильно напоминает тот метод хождения по зыбучим пескам, о котором остроумно говорил, правда, по несколько иному поводу. Г. Цопф (1966). Этот метод, разработанный туземцами острова Мон-Сен-Мишель, состоит в том, чтобы ступать *легко и быстро*, не допуская, чтобы полный вес долго приходился на одну точку. До тех пор пока мы бегом употребляем все эти понятия в обычных контекстах и для обычных целей, не задерживаясь специально на каждом из них, они исполняют свои служебные функции. Однако стоит только остановиться на каком-либо из них, чтобы попытаться его определить и основательно проанализировать, как мы сразу же начинаем увязать в зыбучей среде множества распыляющихся связей и отношений.

И все же мы должны добиваться того, чтобы под ногами у нас была твердая почва или хотя бы несколько надежных точек опоры. Создание таких точек опоры путем аксиоматизации сейчас, как правило, исключается, во всяком случае в сфере общетеоретических вопросов психологии. Остается путь анализа

существующих частных обобщений экспериментальных данных, соотношения с ними основных понятий и ограничения на этой основе содержания последних такими признаками, которые бы поддавались логическому контролю.

Говоря о наиболее принятой в советской психологии классификации психических явлений, К. К. Платонов выделяет следующие три их группы: 1) психические процессы (ощущения, восприятия, память, мышление и т. д.), 2) психические состояния (бодрость, усталость, раздражительность, настроения и т. д.), 3) психические свойства личности (способности, характер и т. д.). По мнению К. К. Платонова, «все без исключения психические явления, свойственные человеку, могут быть отнесены к той или иной из этих категорий» (К. К. Платонов, 1966, стр. 188).

Если принять в качестве первого приближения приведенную классификацию (поведенческий аспект содержится в ней лишь в «снятом» виде), то из нее следует, что всякое психическое явление есть явление субъективное.

Деятельность личности есть субъективно опосредованная деятельность. Постольку деятельность личности также включена в предмет психологических исследований. Поведение личности и поведение организма — это качественно различные вещи. Поведение личности не может быть адекватно описано и изучено в полном отвлечении от субъективного, как это пытались делать радикальные бихевиористы. Задача подлинно научного исследования деятельности (поведения) личности заключается вовсе не в том, чтобы совершенно обойтись без самонаблюдения и целиком отвлечься от субъективных побуждений, целей, интересов, образов, состояний и т. п. Это принципиально невозможно, если объектом нашего исследования является поведение личности, а не поведение организма или машины. Даже самые крайние бихевиористы, как справедливо замечают Дж. Миллер, Е. Галантер и К. Прибрам (называвшие себя в этой связи «субъективными бихевиористами»), обязательно протаскивают контрабандой в свою систему субъективные факторы. «Так делает каждый по той простой причине, что без этого нельзя понять смысл поведения» (Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам, 1965, стр. 235). Задача научного исследования деятельности личности предполагает неизбежное соотношение результатов экспериментального наблюдения с результатами самонаблюдения; такое соотношение как неперемное условие научного объяснения деятельности личности требуется не только в районе, так сказать, чистой, центральной психологии, но и в тех ее периферических областях, которые граничат, с одной стороны, с нейрофизиологией, фармакологией, клинической медициной, а с другой — с техническими и социальными дисциплинами.

Мы уже не раз подчеркивали, что территория психологии не знает строгих межевых камней, за которыми сразу же начинаются иные владения; так называемые периферические области психологии прорастают, плавно переходят в другие научные дисциплины. Но везде и всюду и до тех пор, где еще прослеживается дух психологии, где в предмет исследования вкраплены или слабо проступают психические явления, — там обязательно обнаруживается более или менее явный учет субъективного фактора. Именно по этому фактору можно обнаружить слабо выраженные водоразделы между психологией и смежными с ней дисциплинами, что в полной мере относится к особенно интересующему нас водоразделу между психологией и физиологией.

Конечно, если взять для сопоставления психологию и физиологию пищеварения, то здесь различия будут достаточно яркими. Но если сопоставить между собой, например, физиологию зрительной системы и психологию зрительного восприятия или же те отрасли психологии, которые нацелены на изучение деятельности личности вообще (или отдельных видов ее деятельности, скажем, того вида, который исследуется инженерной психологией) с современной интегративной нейрофизиологией, оперирующей понятиями цели, двигательной задачи, мотивации, афферентного синтеза, акцептора действия и т. п., то картина станет совершенно иной. Провести здесь водораздел чрезвычайно трудно, так как объекты сопоставления не рядоположны, а многообразно, многопланово, интерферируют друг в друга. По-видимому, единственным критерием различия в данном случае (если предварительно рафинировать, например, физиологию зрительной системы от неизбежных психологических включений) будет абстрагирование от субъективных явлений. Чисто физиологический подход характеризуется абстрагированием от субъективных факторов, описанием функции в терминах объективных процессов, протекающих в элементах и частях системы и составляющих в итоге функцию системы в целом, объяснение же целесообразности описываемой таким образом функции вовсе не требует обязательного обращения к субъективным факторам. Общность многих терминов, которыми пользуются и психология и интегративная нейрофизиология, не должна заслонять различий их смыслового содержания (например, «цель» и «мотивация» в смысле интегративной нейрофизиологии и в смысле психологии — это не одно и то же). Что же касается того, зачастую неконтролируемого, смещения, слияния психологического и физиологического языков, которое наблюдается сейчас в ряде областей нейрофизиологии и психологии, не говоря уже о явно пограничных зонах, то оно представляет собой типичную для современного уровня научного знания форму интеграции разных плоскостей исследования: мы

бы сказали — начальную и стихийную форму интеграции, имеющую определенное прогрессивное значение, но свидетельствующую все-таки о недостаточной теоретической зрелости как интегративной нейрофизиологии, так и психологии. Тот синтез физиологического и психологического языков, к которому явно стремится современное научное познание деятельности мозга, привлекая для этой цели кибернетическую терминологию, может стать основательным только при условии их предварительного размежевания, достижения большей степени точности каждого из них.

К обсуждению этого, на наш взгляд, очень важного методологического вопроса мы еще вернемся в следующей главе. Он был затронут здесь, чтобы обратить внимание на то, что понятие субъективного отображает общий и специфический признак психических явлений, и постольку должно играть существенную роль при выяснении особенностей психологического языка.

Разумеется, понятие субъективного, как уже отмечалось, нуждается в тщательном анализе и ограничении. Это понятие само по себе весьма односторонне характеризует психические явления, отличающиеся исключительным многообразием свойств и отношений. Поэтому для дальнейшего анализа категории психического следует привлечь целый ряд других понятий. Это относится прежде всего к таким понятиям, как отражение, сознание, идеальное, информация.

§ 11. Психические явления и категория отражения

Категория отражения (отображения) занимает важное место в системе основных понятий диалектического материализма. Процесс познания человеком действительности, частью которой является он сам, представляет собой в принципе отображение этой действительности. Наши ощущения, понятия, идеи являются средствами отображения явлений и закономерностей материального мира, а не мифическими самодовлеющими сущностями.

Познание есть наиболее развитая форма отражения, свойственная общественному субъекту. В точном смысле слова животным не свойственно познание, хотя они в филогенетически заданных пределах адекватно отражают внешнюю среду, что является непременным условием их адекватного поведения. Диалектический материализм рассматривает познание в его генетических связях с менее развитыми формами отражения и, в конечном итоге, с некоторым фундаментальным свойством всех материальных объектов.

По мысли В. И. Ленина, «логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощу-

щением, свойством отражения» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 91). Это фундаментальное свойство указывает на отсутствие непроходимой пропасти между живой и неживой материей, а также между человеческим познанием и психической деятельностью животных.

На уровне неживой материи отражение выступает в элементарной форме, свойства которой рассматриваются как всеобщие, являющиеся исходными для более развитых форм отражения. Анализу свойств элементарного отражения и описанию способности отражения в его всеобщей форме посвящено значительное число работ (Б. С. Украинцев, 1960, 1969а; В. С. Тюхтин, 1962, 1964; А. Г. Спиркин, 1963; Н. Тимофеева, 1964; А. Поликаров, 1961; Р. Иванов, 1962; Ст. Василев, 1963; Л. Пекарёк (L. Pečárek), 1963; Ф. И. Георгиев с соавт., 1969, и др.).

На уровне живой материи возникает качественно новая форма отражения, отличительным свойством которой является активность, избирательная направленность. Сошлемся на ряд работ, в которых рассматриваются общие черты биологической формы отражения (Н. Бакърджиева, 1959; В. И. Кремянский, 1963, 1969; Б. С. Украинцев и Г. В. Платонов, 1964, и др.); особенно следует остановиться на работе П. К. Анохина (1962а), показавшего, что специфика биологической формы отражения связана с *опережающим отражением*. Как отмечает П. К. Анохин, уже на самых начальных стадиях жизни сложилась и затем непрестанно совершенствовалась в ходе эволюции следующая универсальная закономерность: в высшей степени быстрое отображение посредством цепных химических реакций сравнительно медленно протекающих событий внешнего окружения животного. Эта закономерность обуславливает такую черту биологического отражения, как сигнальность. Понятие сигнальности указывает на то, что живая система производит отбор значимых для нее внешних воздействий, область которых определяется в целом наследственно фиксированной программой, а в данном временном интервале — доминирующими потребностями. На уровне живых систем отражение органически связано с действием как активным процессом. Поэтому биологическое отражение нельзя представлять себе в виде результата, зависящего только от внешнего воздействия. Активность биологического отражения может быть правильно осмыслена только на основе учета диалектики внешнего и внутреннего, при определяющей роли внутреннего, ибо активность есть свойство не внешней среды, а именно живой системы.

Возрастание активности биологического отражения означает усложнение поведения животных в эволюционном ряду, что хорошо коррелирует с уровнем развития нервной системы — этого специализированного аппарата отражательной и управляющей деятельности.

В рамках развития биологической формы отражения принято выделять два уровня: допсихическое (или апсихическое) отражение и психическое отражение. Последний уровень обычно связывается с наличием ощущений, с появлением, если употребить выражение А. Н. Леонтьева (1966 а), «субъективной презентированности отражения». Правда, А. Н. Леонтьев использует этот термин для характеристики человеческой психики. Но признав наличие у животных ощущений, а тем более восприятий и эмоций, трудно не признать приложимость понятия субъективного к животной психике.

Наконец, высшая форма отражения возникает на уровне социальном и характеризуется как специфически человеческая сознательная и познавательная деятельность. При этом познание как отражение действительности рассматривается в качестве диалектического процесса. «*Отражение природы в мысли человека,— писал В. И. Ленин,— надо понимать не „мертво“, не „абстрактно“, не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их*» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 177).

Таково в самых общих чертах то основное содержание, которое связывается с категорией отражения в марксистско-ленинской философии. Мы не станем излагать его более подробно, поскольку это сделано в целом ряде монографий и обстоятельных статей (Тодор Павлов, 1949; А. Н. Рякин, 1958; Н. В. Медведев, 1963; Б. С. Украинцев, 1963; В. С. Тюхтин, 1963, 1966, С. Т. Мелюхин, 1966, и др.).

Категория отражения (отображения) выражает ведущий принцип теории познания всякого материализма, получая дальнейшее развитие в философии диалектического материализма⁶. Диалектический материализм подчеркивает активный характер познавательной деятельности человека, субъективность формы отображения действительности в наших ощущениях, понятиях, теориях и, таким образом, раскрывает диалектику процесса познания в его движении ко все более полной объективной истине.

Принцип отражения, будучи по своему содержанию философским, выполняет важную методологическую функцию в конкретных науках, в том числе в психологии. Но отсюда еще не следует, что всякое психическое явление может быть достаточно адекватно охарактеризовано посредством понятия отражения. Попытаемся обсудить этот вопрос, рассмотрев предварительно некоторые существенные аспекты категории отражения.

⁶ Интересно отметить общность понятия отображения в философии и математике, что специально подчеркивает И. А. Акчури (1967).

Отражение имеет свое основание во взаимодействии и связано с определенным комплексом изменений, возникающих под влиянием этого взаимодействия в отображающей системе. Естественно, что взаимодействие разных систем с одним и тем же объектом даст нетождественные результаты в смысле отображения этого объекта, хотя во всех случаях обнаружится нечто общее, поскольку нечто общее имеют и разные системы. Более того, допустимо утверждать, что степень общности результатов отображения данного (одного и того же) объекта различными системами обусловлена степенью общности этих систем. В противном случае нам бы пришлось постулировать некоторые явно сверхъестественные отображающие свойства материальных систем, т. е. свойства, не зависящие от их материальной организации (физической, химической, биологической, социальной). Отсюда — необходимость учитывать то обстоятельство, что отражение как функциональное свойство зависит не только от отображаемого объекта, но и от природы отображающей системы, ее текущих состояний, ее истории.

Эта зависимость отражения от отображающей системы сказывается тем сильнее, чем выше организация последней. На уровне человеческой психики формы отражения достигают чрезвычайного разнообразия, становятся способными воплощать любое содержание, но в то же время они весьма ярко обнаруживают свою «удаленность» от объективных форм взаимодействий, свою субъективность, обусловленность человеческими потребностями и целями.

Если в первом приближении обычно подчеркивается только зависимость продукта отражения от отображаемого объекта, то при более глубоком рассмотрении отражательного процесса становится необходимым учитывать зависимость содержания указанного продукта от природы отображающей системы и ее особенностей в данный период. Лишь при этом условии можно с большой степенью точности выделить такое содержание, которое действительно независимо от субъекта. Прямолинейное выведение всех свойств отображения только из внешнего объекта как раз и приводит зачастую к субъективизму и грубым заблуждениям.

В этой связи следует коснуться вопроса о так называемой двойной детерминации психики. Понятие двойной детерминации психики может выступать в разных смыслах, включая и типично идеалистический. В нашей философской и психологической литературе принято отмечать с порога указанное понятие в любых его смыслах, как несоответствующее в корне принципу отражения. Наиболее часто двойная детерминация психики истолковывается в том смысле, что «психика детерминирована внешним воздействием объекта и внутренне со стороны мозга» (Б. И. Востоков, А. М. Коршунов, А. Ф. Полторацкий, 1966,

стр. 13). Сформулировав таким образом суть положения о двойной детерминации психики, Б. И. Востоков, А. М. Коршунов и А. Ф. Полторацкий пишут: «На наш взгляд, признание двойной детерминации психики вносит ненужный элемент агностицизма, ибо невольно допускает мысль о том, что хотя бы частично некоторые черты психики обусловлены внутренними особенностями мозга» (там же, стр. 13—14).

Как видим, цитируемые авторы считают, что все черты психики обусловлены внешними и только внешними факторами. К сожалению, они не аргументируют подробно свой вывод. Между тем утверждение, что все черты психики детерминируются исключительно внешними факторами, вовсе не является бесспорным. В самом деле, достаточно обратиться к патологическим случаям, чтобы убедиться в том, насколько сильной является зависимость психики от «внутренних особенностей мозга». Бредовые идеи параноика, составляющие существенную черту его психики, обусловлены именно «внутренними особенностями» его мозга, а не какими-либо специфическими внешними воздействиями. Чрезвычайно показательны в этом отношении расстройства гностических функций, связанные с различными нарушениями деятельности головного мозга. Например, в случаях агнозии Шарко (см. подробное описание разных клинических вариантов этого типа агнозий, вызванных последствиями проникающих ранений затылочных и теменно-затылочных областей, у С. Ф. Семенова, 1965) нарушается способность воспроизведения оптических представлений и узнавания индивидуальных особенностей объекта. Такого рода стойкие психические изменения, как это элементарно ясно, детерминированы не отображаемым объектом, а «внутренними особенностями мозга».

Нам могут возразить, что патологические изменения внутренних состояний мозга в конечном итоге детерминируются экзогенными факторами, и таким путем попытаться защитить концепцию исключительно внешней детерминации психики. Но, во-первых, подобный аргумент сразу же переводит обсуждение в совершенно иную плоскость; и, во-вторых, даже если не принимать во внимание эту неявную подмену тезиса, современная медицина (и особенно психиатрия) со всей убедительностью раскрывает несостоятельность чисто экзогенного объяснения болезни. Попытки построения этиологии на основе чисто внешней детерминации носят механистический характер и заводят клиническую медицину в тупик. Проблема этиологии может плодотворно разрабатываться только на базе диалектико-материалистического принципа единства внутренних и внешних факторов, что хорошо было показано в последние годы И. В. Давыдовским (1962).

Таким образом, методологическая установка на исключительно внешнюю детерминацию психики сразу же обнаружи-

вает свою несостоятельность, как только мы обращаемся к фактам патологии личности.

Но, быть может, Б. И. Востоков, А. М. Коршунов и А. Ф. Полторацкий, говоря о том, что все черты психики детерминируются только внешними воздействиями, имеют в виду лишь черты нормальной психики? В таком случае нетрудно привести сколько угодно противоречащих фактов. Можно указать, например, на прямую зависимость целого ряда существенных черт личности (темперамента, работоспособности и ее сохранения в условиях сильных помех и т. д.) от типологических свойств нервной системы, т. е. от «внутренних особенностей мозга» (см. Б. М. Теплов, 1960; В. Д. Небылицин, 1966). Даже элементарные психические акты (ощущения, внимание, память и др.) могут весьма заметно варьировать по своим основным показателям в зависимости от текущих функциональных изменений головного мозга, вызванных эндогенными причинами. Доказано, например, что состояние аффекта способно существенно влиять на правильность оценки расстояния (Reiper, 1965). Наконец, накапливается убедительный материал о зависимости по крайней мере некоторых черт психики от генетических факторов; вряд ли возможно, например, подвергнуть сомнению то обстоятельство, что музыкальные или математические способности имеют врожденную основу⁷.

Все сказанное позволяет считать, что идея двойной детерминации психики при соответствующей интерпретации вполне соответствует диалектико-материалистическим принципам и вовсе не влечет за собой «ненужный элемент агностицизма». Наоборот, она позволяет преодолеть упрощенный взгляд на психику как на зеркальное отображение внешних воздействий, осмыслить ее активный характер, выявить те инвариантные по отношению к различным внешним воздействиям психические свойства, без учета которых невозможна по-настоящему объективная оценка отображаемых явлений. В качестве простейшего примера можно привести так называемые постоянные ошибки восприятия, тщательно изучаемые в инженерной психологии, т. е. ошибки восприятия, свойственные всем людям при предъявлении им соответствующих объектов (см. М. И. Бобнева, 1966; С. Толанский, 1967, и др.). О каких же «элементах агностицизма» может идти речь, если учет свойств психики, зависящих от «внутренних особенностей мозга», есть неперемное условие истинного знания о внешнем объекте? Игнорирование субъективности формы нашей познавательной деятельности к тому же всегда подрывало позиции материализма, низводило

⁷ В этой связи хотелось бы сослаться на чрезвычайно интересную и поучительную статью Н. И. Кованцова (1965), в которой он обобщает свой большой и многолетний педагогический опыт математика.

его на уровень плоского, механистического материализма, совершенно неспособного противостоять агностическим поползновениям.

Рассматривая категорию отражения, необходимо подчеркнуть, что отражение немислимо без своего объекта. Отображение непременно предполагает отображаемое. Что же в принципе способно выступать в роли отображаемого? Если придерживаться только плоскости основного вопроса философии, то тогда в роли отображаемого выступают всевозможные материальные объекты, а их отображение представлено идеальными духовными явлениями. Однако в марксистской литературе категория отражения (и отображаемого) используется в более широком смысле, не ограничиваясь указанной плоскостью. С одной стороны, отражение мыслится не только в качестве идеального явления, а как материальный процесс (на допсихических уровнях отражения); с другой стороны, в качестве отображаемого по необходимости должны мыслиться не только материальные объекты, но и явления нашего субъективного мира, поскольку они становятся предметом познания.

Целесообразно выделить различные типы отражения в связи с их специфическими объектами. Имея в виду только психические формы отражательной деятельности человека, т. е. по существу его познавательную деятельность, допустимо вычленить следующие типы отражения (и, следовательно, отражаемого): 1) отражение внешних объектов, 2) отражение внутренних состояний организма, 3) отражение собственных субъективных явлений. Последний тип представляет собой *отражение отражения*. Будучи взято в широком плане, включающем и психологическую и гносеологическую плоскости, отражение отражения должно пониматься не только как отражение собственных субъективных явлений, но и как отражение любых продуктов познания, оформленных в знаковых системах, т. е. все то, что относится к исследованию самого процесса познания и его конкретных результатов (здесь в качестве объекта отображения могут выступать определенные эмпирические обобщения, теории, идеи и т. п.). В узком, психологическом смысле отражение отражения выражает рефлексивность всякого сознательного акта, способность самосознания, способность субъективных явлений становиться для личности объектом.

В рамках психологии перечисленные выше типы отражения не являются альтернативными, жестко обособленными друг от друга, так как во многих случаях отображение внешнего объекта (например, в виде восприятия) весьма сильно связано с одновременным отображением внутренних состояний нашего организма (в виде тех или иных внутренних ощущений, которые могут настолько усиливаться, что становятся конкурентами осуществляющегося в данный период восприятия внешнего объек-

та, оказывая существенное влияние на его протекание) и, наконец, с отображением в сознательной форме тех субъективных явлений, которые обусловлены как действием внешних объектов, так и внутренними изменениями в организме (последние же не обязательно являются следствиями текущих внешних воздействий).

Вычленение трех типов отражения произведено нами с той целью, чтобы указать на все основные случаи использования категории отражения при характеристике психических явлений. Категория отражения в полной мере приложима к тому кругу психических явлений, которые составляют познавательную деятельность. Она приложима в определенном смысле и к психике вообще, если под психикой понимать психические явления в собирательном смысле, ибо познавательный момент содержится во всяком целостном психическом акте человека. Однако далеко не каждое психическое явление может быть определено без натяжки посредством категории отражения. Последняя оказывается явно недостаточной при попытках охарактеризовать такие психические явления, как побуждение, потребность, интересы, склонности, цель, темперамент и т. д. Это обусловило то, что ряд психологов и психиатров вводят наряду с категорией отражения еще одну фундаментальную категорию «отношение» (В. Н. Мясищев, 1949, 1966б; С. Л. Рубинштейн, 1957; Б. Ц. Бадмаев, 1965, и др.).

По мнению В. Н. Мясищева, «психическую деятельность нельзя рассматривать как только отражение»; психика и сознание «представляют единство отражения человеком действительности и его отношения к этой действительности». Говоря о таких психических явлениях, как потребность и чувство, В. Н. Мясищев подчеркивает, что «главным и определяющим здесь является отношение» (В. Н. Мясищев, 1966б, стр. 129). Согласно его точке зрения, философская категория отражения, будучи используема в сфере психологии, приобретает ряд специальных содержательных черт, что диктуется задачами психологического (или психиатрического) исследования. «При этом понятие отражения тесно и непосредственно связано с процессами познавательной деятельности. Понятие же отношения представляет потенциальный аспект психологических процессов, связанных с избирательной и субъективной активностью личности. Поэтому потребности, вкусы, склонность, оценка, принципы и убеждения представляют аспект отношений человека» (там же, стр. 130).

Нельзя не согласиться с В. Н. Мясищевым, что перечисленные психологические свойства гораздо естественнее характеризуются посредством категории отношения, нежели с помощью категории отражения, использование которой для этой цели связано с особым ее истолкованием, круто меняющим ее первоначальный смысл или же просто подчеркивающим тот мо-

мент ее общепсихологического значения, что все психические явления так или иначе связаны в конечном итоге с воздействиями внешней объективной действительности. Однако использование категории отражения в смысле указания исходной связи всех субъективных явлений с материальным миром является само собой разумеющимся для психолога-материалиста и еще не дает ключа к пониманию специфики различных психических явлений и внутреннего мира личности в целом, включая ее активную деятельность. Категория отражения (отображения) выполняет в психологии общеметодологическую функцию, как и во всех других науках. Это несомненно важное обстоятельство должно обязательно учитываться; но это не означает, что категория отражения есть ключевое понятие психологии, вполне достаточное для выражения специфики всего круга психических явлений.

Отпочкование психологии от философии есть безусловно прогрессивное явление. Однако многовековая принадлежность психологии к философии накладывает печать и на современные попытки построения общей теории психологии, что проявляется, в частности, в использовании для этих целей философской терминологии, сохраняющей лишь отчасти свое традиционное содержание, а в остальном наполненной уже содержанием чисто психологическим. Но такого рода философско-психологические конгломераты, столь характерные для попыток построения теоретической психологии и психопатологии, свидетельствуют о незрелости психологической теории⁸.

§ 12. Категории идеального и субъективного в их отношениях к категории психического

Психические явления чаще всего и ближайшим образом определяются посредством категорий идеального и субъективного. Эти категории действительно имеют первостепенное значение для выяснения специфики психического; однако употребляются они крайне неоднозначно. Смысл терминов «идеальное» и «субъективное», используемых в философской и психологической литературе, варьирует в весьма широком диапазоне, что создает серьезные осложнения при разработке психофизиологической проблемы.

⁸ Нечеткая дифференцировка философского и собственно психологического смыслов категории отражения достаточно сильно ощущается даже в тех случаях, когда указанная категория кладется в фундамент психологической теории. В последнее время важное значение понятия отражения для построения теории психологии подчеркивалось *А. Н. Леонтьевым* (1966а), который стремился оттенить конкретно-научный, психологический (по его выражению) смысл этого понятия. Тем не менее *А. Н. Леонтьев* счел нужным заметить, что «изучение активного аспекта отражения наталкивается на множество осложняющих обстоятельств» (*А. Н. Леонтьев*, 1966а, стр. 53).

Рассмотрим наиболее распространенные трактовки категорий идеального и субъективного в нашей философской и психологической литературе.

В последние годы вопрос о природе идеального специально обсуждался многими авторами (М. Б. Митин, 1962; Э. В. Ильенков, 1962, 1964; М. А. Логвин, 1963; Я. А. Пономарев, 1964а, 1967; Ф. И. Георгиев, 1963, 1964; В. С. Тюхтин, 1963, 1967; Б. И. Востоков, А. М. Коршунов, А. Ф. Полторацкий, 1966; Ст. Василев, 1969, и другие). При этом наиболее трудным пунктом всегда оказывалось отношение идеального к деятельности мозга. Если идеальное есть качество, присущее нашему мышлению, а последнее представляет собой продукт (или функцию) человеческого мозга, то вопрос об отношении идеального к материальным мозговым процессам невозможно игнорировать. Но именно в этом пункте и возникают наиболее значительные разногласия в трактовке идеального, и они крайне отрицательно сказываются на развитии теоретических представлений современной нейрофизиологии, что в последнее время специально отмечал П. К. Анохин (П. К. Анохин, 1966а, стр. 288—289).

Некоторые авторы склонны характеризовать идеальное таким образом, что оно оказывается вынесенным за пределы человеческого мозга и субъекта вообще. Это происходит в тех случаях, когда идеальное квалифицируется исключительно как продукт общественной, производственной деятельности субъекта, когда непомерно гипертрофируются общественные связи субъекта — настолько, что реальный субъект совершенно испаряется, а вместо него начинает фигурировать общество в целом как субъект, и теперь уже свойство идеального, способность мышления и действия, приписывается некоему «телу цивилизации», а вовсе не человеческому индивиду. С этой точки зрения, известное положение К. Маркса, что «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 21), истолковывается в том смысле, что идеальное существует не в голове, а «посредством головы» и что оно, следовательно, имеет свое бытие и вне головы отдельных субъектов, а именно в продуктах их совместной производственной деятельности и вообще в межсубъектных связях, в «теле» общественной системы, а не в «теле» человеческого мозга. Так, М. П. Лебедев (1956) заходит в этом направлении настолько далеко, что наделяет качеством идеального книгу, взятую саму по себе.

Более тонко и внушительно такого рода концепция идеального обосновывается Э. В. Ильенковым в написанной для «Философской энциклопедии» статье, специально посвященной этому вопросу. Э. В. Ильенков справедливо критикует вульгарно-

материалистические толкования идеального, указывая на недопустимость отождествления идеального с нервно-мозговыми процессами. Материализм, пишет он, заключается не в том, чтобы производить указанное отождествление, а «в том, чтобы понять, что идеальное как общественно-определенная форма деятельности человека, создающей предмет определенной формы, рождается и существует не «в голове», а с помощью головы в реальной предметной деятельности человека как действительного агента общественного производства. Поэтому и научные определения идеального получаются на пути материалистического анализа «анатомии и физиологии» общественного производства материальной и духовной жизни общества, и ни в коем случае не анатомии и физиологии мозга как органа тела индивида» (Э. В. Ильенков, 1962, стр. 221).

Другими словами, идеальное имеет свое бытие в такой же мере в голове человека, как и вне его головы, в процессе предметной деятельности, в «теле цивилизации». Если бы речь шла о том, что идеальное «рождается и существует» в «теле цивилизации», в системе общественных отношений, в том смысле, что оно рождается и существует только в голове реального человека, а человек необходимо выступает в качестве элемента общества и вне его немислим, то с таким тривиальным выводом согласился бы каждый. Но Э. В. Ильенков имеет в виду нечто совсем иное, он решительно отстаивает (не только в цитированной, но и в других своих работах) существование идеального именно за пределами отдельной человеческой личности (см. Э. В. Ильенков, 1968а, стр. 215 и др).

При такой трактовке идеального, однако, утрачивается его исходная определенность. Понятие идеального становится настолько «гибким», что с равным успехом может быть использовано для обозначения как субъективной реальности, так и объективной реальности, ибо вне головы человека существует лишь объективная реальность. В связи с этим происходит неявное отождествление отображения с объектом отображения, что уже начинает заметно напоминать логические конструкции Гегеля.

Идеальное есть субъективное отображение объекта. Поскольку это может быть любой объект, идеальное есть, в принципе, любое содержание, и оно, таким образом, способно охватывать всю «человеченную» вселенную, но локализовано идеальное только в голове индивида, в его головном мозгу, ибо за пределами этой материальной системы субъективное отображение не существует. Говорить же, что идеальное «рождается и существует не в «голове», а с помощью головы в реальной предметной деятельности человека», значит создавать прецедент для логических недоразумений при попытке соотнесения категорий идеального и материального.

К. Маркс говорит об идеальном как о внутренней форме деятельности; у Э. В. Ильенкова идеальное становится одновременно и внешней формой деятельности человека. В этой связи концепция Э. В. Ильенкова подвергалась заслуженной критике со стороны ряда авторов (Ф. И. Георгиев, 1963; В. И. Мальцев, 1964; В. И. Пернацкий, 1966; Ст. Василев, 1969, И. С. Нарский, 1969). Стремление обособить идеальное от мозга ни в коей мере не может быть оправдано, даже если оно проводится лишь частично и под самыми благовидными предложениями (с целью обоснования связи мысли с практическим действием, активности субъекта и т. п.). В концепции Э. В. Ильенкова эта тенденция к обособлению идеального от деятельности головного мозга (т. е. к вынесению идеального за пределы человеческого индивида) проистекает из чрезмерно жесткого, взаимоисключающего противопоставления философского и естественнонаучного исследования мышления, из откровенного игнорирования естественнонаучного аспекта изучения идеального.

В этой связи стоит еще раз вдуматься в следующее положение В. И. Ленина, подчеркивающее важность учета результатов естествознания для понимания сущности идеального: «Всякий человек знает — и естествознание исследует — идею, дух, волю, психическое, как функцию нормально работающего человеческого мозга; оторвать же эту функцию от определенным образом организованного вещества, превратить эту функцию в универсальную, всеобщую абстракцию, «подставить» эту абстракцию под всю физическую природу, — это бредни философского идеализма, это насмешка над естествознанием» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 241).

Идеальное является исключительно субъективной реальностью и «рождается и существует» только в голове человека, не выходя за ее пределы, хотя это качество, естественно, связано с внешними воздействиями, точнее, с внешним миром, с активной деятельностью человека как социального существа. Другими словами, категория идеального обозначает специфическое для психики человека отображение и действие в субъективном плане, в отличие об объективных действий, производящих изменения в материальных объектах; эта категория обозначает такое свойство деятельности нашего мозга, благодаря которому личности непосредственно дано содержание объекта, динамическая модель объекта, свободная от всех реальных физических качеств объекта, от его материальной «весомости», «громоздкости», от его «сращенности» с другими объектами, а постольку допускающая свободное оперирование ею во времени. Идеальное — это актуализованная мозгом для личности информация, это способность личности иметь информацию в чистом виде и оперировать ею.

Идеальное как таковое есть во всех случаях нематериальное и только в границах противопоставления материальному имеет смысл. Идеальное — это психическое явление (хотя далеко не всякое психическое явление может быть обозначено как идеальное); а постольку идеальное представлено всегда только в сознательных состояниях отдельной личности. Если бы кто-то вдруг глубоко усыпил всех людей на десять минут, то в этом интервале времени на нашей планете не существовало бы идеального.

Поэтому недостаточно точной является данная С. Л. Рубинштейном характеристика идеального, как «продукта или результата психической деятельности» (С. Л. Рубинштейн, 1957, стр. 41). Записанная на бумаге или на магнитофонной ленте фраза может расцениваться как продукт психической деятельности, однако подобный продукт не содержит в себе идеального. С. Л. Рубинштейн пишет: «Идеальность по преимуществу характеризует идею или образ, по мере того как они, объективируясь в слове, включаясь в систему общественно выработанного знания, являющегося для индивида некоей данной ему «объективной реальностью», приобретают таким образом относительную самостоятельность, как бы вычлениваясь из психической деятельности индивида» (там же). Это высказывание, сделанное, как видим, в весьма осторожной форме, вызывает ряд возражений.

Всякая идея, образ изначально включены в той или иной степени в систему общественно выработанного знания, ибо личность изначально включена в общественную систему, является ее элементом, и в конечном итоге всякая идея (образ) оказывается заданной общественной системой, т. е. у человека не бывает сверхчеловеческих идей и образов. Когда же оригинальные идеи или образы, возникшие в голове отдельной личности, будучи воплощенными в устной, графической или предметной форме, становятся достоянием других личностей и даже большинства личностей, то эта сторона дела имеет весьма косвенное отношение к характеристике идеального, так как для последней безразлично, переданы ли идея, образ другим личностям или же пережиты лишь однажды в течение нескольких секунд единственной личностью; для характеристики идеального безразлично, стала ли мысль данной личности достоянием трех личностей или трех миллионов, оправдала ли она себя в качестве руководства к действию или нет. Иначе говоря, определение идеального не зависимо от категории истинности, так как ложная мысль тоже есть не материальное, а идеальное явление; в равной мере определение идеального не зависимо от количественной и коммуникативной стороны, так как идеальное необходимо связано лишь с текущим психическим состоянием отдельной личности.

Что касается объективирования идеи или образа в слове, то нужно уточнить, в каком смысле говорится об объективировании. Слова, написанные или звучащие в эфире, сами по себе не содержат ни в малейшей мере идеального. Вместе с тем всякое сознательно переживаемое психическое явление в той или иной степени связано с речью внутренней или внешней, отливается в словесные формы. В этом смысле объективирование действительно допустимо связывать с идеальным (хотя термин «объективирование» правильнее было бы в этом случае употреблять лишь для обозначения преобразований, составляющих внешнее речепроизводство; но тогда этот термин будет иметь лишь косвенное значение для определения идеального).

Идеальное не существует само по себе, оно необходимо связано с материальными мозговыми процессами, есть не что иное, как субъективное проявление, *личностная обращенность* мозговых нейродинамических процессов. В этом смысле идеальное непреложно объективировано, ибо иначе оно не существует. Идеальное есть сугубо личностное явление, реализуемое мозговым нейродинамическим процессом определенного типа (пока еще крайне слабо исследованного). Этот особый тип нейродинамического процесса актуализует информацию *для личности*, и только в интервале такого рода длящегося актуализирования информации существует идеальное. Подобно тому как неактуализированная личностью информация, хранящаяся в нейронных, субнейронных и, по-видимому, молекулярных структурах головного мозга, есть лишь возможность идеального, а не идеальное как таковое, точно так же информация, фиксированная в памяти общества (в книгах, чертежах, произведениях искусства, машинах и других материальных системах), не есть идеальное, не будучи актуализируемой (в данном интервале) в сознании личности. Поэтому и нельзя согласиться с допущением С. Л. Рубинштейна о том, что идеальное характеризует продукты психической деятельности, приобретающие относительную самостоятельность и существующие, как бы «вычлняясь из психической деятельности индивида». Идеальное ни в каком отношении не вычлняется из психической деятельности индивида.

Человек есть элемент общества как чрезвычайно сложной самоорганизующейся системы. В этой связи методологически важно учитывать не только обусловленность свойств элемента качественными особенностями системы, но и обратную зависимость — обусловленность свойств системы качественными особенностями элемента.

Из того, что идеальное есть общественный продукт и необходимый компонент социальной самоорганизации, еще вовсе не следует, что оно должно быть теоретически «локализовано» в пределах общественной системы в целом, а не в пределах

общественного индивида, отдельных личностей. И это следует учитывать, когда мы рассматриваем в плане проблемы идеального «систему общественно выработанного знания», явления духовной культуры.

Человеческая культура (накопленные историческим развитием комплексы теоретических, этических, художественных, технических и т. п. ценностей) характеризуется категорией идеального лишь в одном аспекте — в аспекте функционирования культурных ценностей в определенной форме, а именно: как внутренней, субъективно переживаемой деятельности определенного множества индивидов (деятельность которых, однако, выходит за эти пределы, поскольку включает процессы коммуникации и действия во внешнем плане). Однако в строгом смысле действия во внешнем плане, формы хранения культурных ценностей, а также те звенья коммуникаций, которые реализуются, так сказать, в межличностном пространстве, — все эти явления не могут быть непосредственно охарактеризованы при помощи категории идеального.

Своеобразную концепцию идеального развивает в последние годы Я. А. Пономарев (1964а, 1964б, 1967). Мы не станем излагать подробно эту концепцию, так как с нею лучше познакомиться из первых рук. Остановимся только на некоторых положениях, имеющих, с нашей точки зрения, принципиальное значение. Трактовка категории идеального Я. А. Пономаревым во многом обусловлена его пониманием психики, согласно которому существуют два подхода к исследованию и определению психических явлений — гносеологический и онтологический. В гносеологическом аспекте психика квалифицируется им как идеальное. В онтологическом аспекте — как материальное. Выше (в § 5) мы попытались показать, что подобная теоретическая установка приводит к неудовлетворительным результатам. Следует подчеркнуть, что гносеологический аспект неустраним при исследовании психических явлений.

Я. А. Пономарев безусловно прав в том отношении, что далеко не всякое психическое явление может быть охарактеризовано как идеальное. Однако автор недостаточно последовательно проводит свою точку зрения, ибо принятые им исходные принципы обязывают его при гносеологическом рассмотрении психики квалифицировать в качестве идеального любое психическое явление. Согласно Я. А. Пономареву всякое отношение «оригинал — копия» является материальным; идеальным оно становится «лишь в абстракции познающего субъекта» (Я. А. Пономарев, 1964б, стр. 62). Например: «восприятие животного идеально только в сознании познающего человека, в его абстракции, вычленяющей копию оригинала из носителя этой копии — динамической модели предмета, имеющейся в мозгу животного и сопоставляющей эту копию с оригиналом»

(Я. А. Пономарев, 1964б, стр. 61). Точно таким же образом качество идеальности, по словам Я. А. Пономарева, приобретает отпечаток лапы волка на снегу или отпечаток листа в пластах каменного угля. Другими словами, идеальное есть продукт «идеализирующей абстракции» (там же, стр. 66). Потенциально существующие всюду связи типа «оригинал — копия» становятся идеальными лишь в «идеализирующей абстракции» субъекта, посредством которой копия обособляется от оригинала. Более того, идеальное, согласно Я. А. Пономареву, может быть присуще и неодушевленным предметам, «оно не является безусловной монополией психического» (Я. А. Пономарев, 1967, стр. 59). Но вместе с тем оно связывается лишь с «идеализирующей абстракцией».

Здесь возникает ряд вопросов. Если «идеализирующая абстракция» свойственна только познающему субъекту, то каким образом идеальное может существовать за пределами психического? Что такое «идеализирующая абстракция»? Является ли она результатом специального теоретического анализа? Или, быть может, она изначально присуща уже любому человеческому чувственному образу? Поясним эти вопросы. Допустим, я вспомнил сейчас волка, виденного мной вчера в зоопарке; это представление было очень ярким и занимало меня несколько секунд, о чем я рассказал своему товарищу-философу. Процесс моего представления не сопровождался никакими теоретическими рефлексиями о природе данного представления. Наоборот, мой товарищ-философ довольно быстро сообщил мне, что возникший в моем сознании образ волка есть «копия» реального волка, а не сам волк, что эта «копия» адекватна оригиналу и т. п. Согласно Я. А. Пономареву, мой товарищ в данном случае является несомненным носителем идеального, поскольку им произведена «идеализирующая абстракция». Спрашивается, можно ли назвать идеальным пережитый мною образ-воспоминание? По-видимому, нельзя, так как я не производил специальной «идеализирующей абстракции». Следовательно, мой образ должен быть назван материальным? Но ведь мой образ не является объективной реальностью ни для меня, ни для моего товарища-философа. Как же быть?

В этом пункте концепция Я. А. Пономарева сильно уязвима. «Достаточно внимательный анализ природы идеального показывает, — пишет Я. А. Пономарев, — что *идеальное* — это только абстракция — понятие, необходимое для выявления и фиксации отношений гомоморфизма, изоморфизма, подобия, аналогии» (Я. А. Пономарев, 1964а, стр. 55. Курс. мой. — Д. Д.). В каком смысле это — только абстракция? Ведь «материальное», «психика», «масса», «энергия», «образ», «абстракция» и т. п. — это абстракции! В этом отношении «идеальное» не имеет никаких привилегий по сравнению с «материальным». Но вся-

кая абстракция должна обладать определенным значением, должна обозначать некоторый инвариант множества явлений, независимый от произвола теоретика, т. е. должна отображать некоторую реальность, существующую не только в сознании данного теоретика. А потому идеальное — это не только абстракция. Это — некоторая реальность. Любой здравомыслящий человек не может не признать реальности образов и мыслей у других людей, хотя образы и мысли других людей неправомерно называть объективной реальностью (*они существуют вне моего сознания, но они не существуют вне сознания вообще*). Мои образы и мысли, а равно и аналогичные психические явления, присущие другим индивидам, являются *субъективной реальностью*, которая отображается в соответствующих абстракциях. Идеальное существует как субъективная реальность, а не только как специально изготовленный продукт «идеализирующей абстракции».

Я. А. Пономарев пишет: «Идеальной психика выступает лишь тогда, когда она сама оказывается предметом познания, направленного на выяснение изоморфности ее моделей реальным вещам и явлениям» (Я. А. Пономарев, 1964б, стр. 66). Значит, если «мой образ» не является для меня в данный период специальным предметом познания, то отсюда вытекает, что он — материален. Если же я (или любой другой) начну изучать образ в указанном Я. А. Пономаревым плане, то этого будет достаточно, чтобы образ стал идеальным. Таковы парадоксы, порождаемые теоретической установкой о необходимости гносеологического и онтологического подхода к пониманию человеческой психики. Гораздо логичнее, на наш взгляд, квалифицировать некоторые психические явления в качестве идеальных, независимо от того, оказываются ли они «предметом познания» или не оказываются. Этот класс психических явлений относится всегда к категории сознательных, а постольку они обладают в той или иной степени свойством рефлексивности, т. е. отображения отображения.

Идеальное есть абстракция, имеющая смысл лишь при обозначении с ее помощью непосредственно осознаваемой субъективной реальности. Эта непосредственно осознаваемая субъективная реальность, связанная с отображением не только внешнего объекта, но и самой себя, может исследоваться во многих отношениях, которые совершенно не укладываются в искусственную альтернативу онтологического или гносеологического подхода к психике. К тому же остается непонятным, что означает чисто онтологический подход к психике. Как будто возможно изучать психические явления, абсолютно абстрагируясь от собственно психических явлений. Более того, разве возможно что-либо основательно изучать, совершенно отвлекаясь от изучения средств изучения, т. е. от понимания специфики и воз-

возможностей используемых нами познавательных средств, как экспериментальных, так и теоретических. Неспособность осмыслить это чрезвычайно существенное обстоятельство составляет в естествознании удел грубого эмпиризма, освящаемого в философии наивным онтологизмом.

Заметим, что установка на исследование психики в двух аспектах — онтологическом и гносеологическом — приводит к парадоксам не только в том случае, когда психика называется идеальной в гносеологическом аспекте и материальной в онтологическом аспекте, но и тогда, когда она признается идеальной и в том и в другом случае. Так, например, И. Цвекл пишет: «Это свойство сознания «быть идеальным» *существует объективно*, и его нужно учитывать не только в гносеологии, но и в онтологии и в общественных науках, поскольку для того, чтобы рассматриваться как правильная или неправильная, мысль должна прежде всего существовать» (J. Cvecl, 1963, с. 313. Курс. мой.— Д. Д.). В приведенном высказывании идеальное становится неотличимым от материального, так как утверждение, что идеальное существует объективно, равнозначно утверждению, что идеальное есть материальное. Отсюда становится очевидной призрачность так называемой онтологии в чистом виде, ибо понятие о бытии, реальности, в строгом смысле не может быть отождествлено с понятием объективной реальности, так как оно распространимо и на субъективную реальность; и только в рамках последней идеальное имеет смысл. В противном случае идеальное явно или неявно субстанциализируется, что создает лишь видимость легкого решения проблемы (субстанциализация идеального может носить либо отчетливо идеалистический или дуалистический характер, либо принимать форму вульгарно-материалистического «овеществления» идеального). Напомним еще раз слова В. И. Ленина, сказанные по поводу тех положений И. Дицгена, в которых объективная реальность отождествляется с реальностью вообще: «Что и мысль и материя «действительны», т. е. существуют, это верно. Но назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 257).

Важно подчеркнуть, что вопреки неопозитивистским установкам⁹ тенденции к субстанциализации духовных явлений (иде-

⁹ Как известно, неопозитивисты утверждают, что понятия материального и идеального вообще лишены смысла. «Теоретики,— пишет Г. Райл,— должны отбросить оба эти слова» (G. Ryle. 1952, p. 79). По мнению А. Айера (Ayer, 1952), единственный путь преодоления «картезианского софизма» состоит в том, чтобы признать псевдопроблемой старый вопрос об отношении духа и тела, сознания и мозга; все дело лишь в описании различных видов нашего опыта и установлении корреляций между ними.

ального) в настоящее время весьма модны среди западных естествоиспытателей. Приведем в качестве наиболее яркого примера взгляды английского ученого В. Фирсова. Согласно его убеждению, «мысли, восприятия, чувства и т. п., составляющие психику, суть реальные сущности, своего рода «предметы», хотя их нельзя обнаружить или измерить существующими приборами и применение к ним количественных методов физики, кроме вероятностных законов, исключено. Я лично,— продолжает В. Фирсов,— придерживаюсь того мнения, что сущность этой неуловимой психической субстанции может заключаться в свойствах и взаимодействиях субатомного мира, изучением которого занимаются на передовых рубежах современной науки... «Психическая субстанция» не может возникнуть из ничего: она должна присутствовать на всех стадиях органической эволюции вплоть до неорганического мира. Иными словами, можно сказать, что между психической субстанцией и миром обычной энергии и вещества должна существовать связь» (В. Фирсов, 1966, стр. 25—26). И далее В. Фирсов выдвигает предположение, что «существует преобразование, аналогичное, скажем, уравнению Эйнштейна $m = E/c^2$, связывающее психическую субстанцию с энергией и веществом и являющееся основой взаимодействия между ними. Я хочу сделать и еще одно предположение: молекула ДНК может быть простейшим физическим аппаратом, вырабатывающим психическую субстанцию или реагирующим на нее, т. е. действующим как миниатюрный мозг» (там же, стр. 48—49). По существу, в приведенных высказываниях под «психической субстанцией» имеется в виду скорее всего некое пока еще не открытое физическое явление. Но подобная интерпретация не может быть проведена последовательно, и В. Фирсов в конечном итоге оказывается в своих воззрениях очень близким к классическому дуализму, склоняясь, в частности, к концепции Дж. Эккла (см. там же, стр. 49, 68—69 и др.); он готов допустить возможность, что «разум обладает способностью приобретать сведения об определенных фактах, не соприкасаясь с ними во времени или пространстве» (там же, стр. 123), ссылаясь в этой связи на парапсихологические опыты Райна и в особенности на явления телепатии.

Нечего и говорить о том, что ссылка на телепатию не является аргументом. Но это не означает, конечно, что телепатия не может служить предметом научного рассмотрения.

Субстанциализация идеального (В. Фирсов всюду под психическим понимает духовное, идеальное) весьма логично ведет к идеализму и дуализму; когда же она последовательно проводится на материалистический манер (образцы этого мы демонстрировали в § 5), то категория идеального попросту ликвидируется; но тогда психические явления с их содержательной стороны становятся совершенно необъяснимыми.

Естественно, что в большинстве случаев идеальное истолковывается в марксистской литературе не в субстанциональном, а в функциональном плане. В последнее время функциональный характер идеального специально подчеркивался и анализировался в работах ряда авторов (В. С. Тюхтин, 1963, 1967; Б. И. Востоков, А. М. Коршунов, А. Ф. Полторацкий, 1966, и др.), «Функциональный характер идеального объясняет кажущуюся «странность» идеального, состоящую в том, что идеальное не содержит в себе ни грана вещества отражаемого объекта, что оно является непротяженным свойством, которое нельзя измерить, взвесить, воспринять, хотя его можно обнаружить по внешнему проявлению в деятельности субъекта» (Б. И. Востоков, А. М. Коршунов, А. Ф. Полторацкий, 1966, стр. 245—246). Идеальное «свободно» не только от вещественности отображаемого объекта, но и от вещественности, от физических свойств отображающего субстрата. Эта «освобожденность» от всех физических свойств существует лишь в качестве субъективной реальности. Как отмечает В. С. Тюхтин: «Нематериальными (идеальными), то есть относительно независимыми, «освобожденными» от материального носителя, могут быть лишь структура, отношение, образ, знание и пр., взятые как таковые, в «чистом» виде, то есть особым функциональным способом извлеченные из своего носителя и сопоставленные с оригиналом» (В. С. Тюхтин, 1967, стр. 44). Такого рода извлечение информации (содержания) из материального носителя есть субъективный акт, связанный с особенностями информационных процессов, протекающих в головном мозгу. Сам механизм извлечения информации скрыт об субъекта; личности непосредственно дано содержание как таковое и способность оперирования им. При этом «извлеченность» информации, т. е. ее данность и способность свободно оперировать ею, предполагает не только ее сопоставление с оригиналом, но и с другими идеальными явлениями и с личностным «я». Образ или мысль как идеальное не только отображают внешний объект, но и отображают себя в поле личностного «я», т. е. посредством идеального образа личность не только сознает некоторый объект, но и сознает, что она сознает этот объект. Именно с этим обстоятельством связана особенность идеального, т. е. данность личности информации в чистом виде и способность относительно свободного оперирования ею.

Идеальное характеризует ту разновидность субъективных явлений, которые непосредственно сознаются личностью. Это — те психические явления, которые осознаются личностью в том интервале, в котором они протекают. Что касается некоторых подсознательно протекающих психических явлений, которые способны в определенной мере осознаваться личностью после того, как они осуществились (или же тех психических явлений, которые

сознаются личностью как потенциально существующие вообще), то они не могут быть причислены к категории идеальных.

В этой связи следует уточнить термин «психика», так как зачастую человеческая психика характеризуется в качестве идеального. Такая характеристика оправдана в том смысле, что без идеального нет человеческой психики (человеческая психика необходимо включает идеальное отображение, но не исчерпывается им); с другой стороны, идеальное существует только в психике и, следовательно, только в форме индивидуального субъективного состояния. Однако в более точном значении «психика» представляет собой некоторую целостность (интеграцию) всех психических явлений, вычленяемых и описываемых современной психологией. При таком понимании психики идеальное составляет лишь ее фрагмент. В едином контексте разнотипных психических явлений идеальное выступает в качестве наиболее «странной» и наиболее трудной для научного понимания стороны психики. И несомненно, что вне учета этой стороны, этого необходимого фрагмента психики, основательное исследование ее невозможно. Другими словами, тот уникальный класс психических явлений, который описывается посредством категории идеального, должен быть интерпретирован через категории конкретных наук, в частности — через категории естествознания, и стать объектом исследования этих наук. Но здесь-то и возникают самые крупные теоретические трудности, создающие серьезные препятствия на пути исследований психики *в связи с деятельностью мозга*. Эти трудности особенно сильно дают о себе знать в психофизиологии, нейропсихологии, нейрофизиологии, психиатрии, кибернетическом моделировании функций мозга, в некоторых областях клинической медицины и т. д. Во многих отношениях указанные трудности не новы и составляли хроническую болезнь естественнонаучного мышления последнего столетия; начиная со второй половины прошлого века они вставали перед исследователями в виде так называемой проблемы психической причинности.

С начала нашего века наблюдались многочисленные попытки преодоления этих теоретических трудностей на путях изъятия категории идеального из естественнонаучного мышления. Несмотря на то, что каждая подобная попытка приводила к мнимому результату (ибо изъятие категории идеального означало изъятие из научного исследования реальной проблематики, которая тем не менее не переставала существовать), из этого не было сделано надлежащего урока.

Совсем недавно с аналогичной попыткой выступил, например, А. Н. Кочергин. Обсуждая методологические вопросы моделирования психической деятельности, он высказал мнение о необходимости «переосмыслить традиционный подход к вопросу о соотношении «идеального» и «психики», исключив понятие «иде-

ального» из естественнонаучного рассмотрения психической деятельности» (А. Н. Кочергин, 1969, стр. 246). А. Н. Кочергин считает, что при рассмотрении психики как деятельности мозга категория идеального «не работает». По его мнению, в данном случае «работает» лишь категория материального (там же, стр. 247).

Почему и в каком смысле категория идеального «не работает» при рассмотрении психической деятельности? И почему «работает» в этом отношении категория материального?

Дело в том, что категория материального достаточно широко интерпретируется через категории естественных наук, таких, как вещество, поле, масса, энергия и т. д. Но этого нельзя сказать о категории идеального, вокруг которой действительно имеется своего рода вакуум (ни одна другая категория диалектического материализма не находится в столь обособленном от естественнонаучных категорий положении, как категория идеального). Отсюда, однако, не следует, что категория идеального не имеет смысла в естественных науках и что она здесь «не работает». Категория идеального фиксирует существенное свойство психической деятельности, и если система категорий современного естествознания не является областью ее интерпретации, то это обстоятельство может свидетельствовать лишь о недостаточной зрелости современного естествознания. Следует иметь в виду, что речь идет об устоявшихся, так сказать, классических категориях естествознания. Между тем категориальная структура естественных наук постепенно преобразуется; в ходе этого процесса зарождаются новые понятия и представления, далекие поначалу от классической точности, но знаменующие собой существенное углубление научного познания в целом.

Именно эти новые понятия и представления динамизируют некоторые области категориальной структуры естествознания, и именно в одной из таких областей все активнее «работает» категория идеального (заметим, что она всегда «работала» в том смысле, что стимулировала поиски естественнонаучного объяснения психики и так или иначе, явно или неявно, задавала, если так можно выразиться, систему отсчета для всех относящихся сюда теоретических построений; и это нетрудно увидеть даже у радикальных бихевиористов).

По нашему мнению, на нынешнем уровне научного познания открываются реальные возможности для основательной естественнонаучной интерпретации категории идеального. Такого рода возможности связаны с развитием кибернетики и оформлением категории информации. Последняя, будучи категорией естествознания, способна проложить мост к объяснению тех психических явлений, которые обычно описываются посредством категории идеального.

Для более детального анализа категории психического в связи с ее отношением к категории идеального, следует специально рассмотреть категорию субъективного, так как последняя является неустранимым участником всех определений психического и идеального, независимо от того, фигурирует ли она на авансцене теоретических построений или за кулисами. Это непереносимое участие категории субъективного осложняет дело тем, что употребляется она еще более многозначно, чем категория идеального¹⁰.

В последние годы категория субъективного исследовалась во многих работах общепсихологического плана (В. А. Лекторский, 1965, 1967; J. Mužik, 1964; L. Holata, 1965; Ф. Б. Садыков, 1965; К. А. Абульханова-Славская, 1969, и др.). Рассмотрим наиболее типичные значения, которые обычно связываются с термином «субъективное».

В философском плане Л. Голата (Holata, 1965) выделяет три основных значения. В плоскости основного вопроса философии субъективное означает идеальное (а объективное — материальное); в плоскости вопроса о познаваемости мира субъективное означает приблизительную («аппроксимативную») форму отражения действительности в нашем сознании, а объективное — «адекватную форму» отражения (заметим, что различия здесь указаны очень нечетко); наконец, третье значение образуется в плоскости вопросов, относящихся к компетенции исторического материализма. Здесь субъективное связывается с активностью общественного субъекта и ролью личности в историческом процессе.

В. А. Лекторский (1967) справедливо подчеркивает, что объект — это часть объективной реальности, с которой субъект вступил в практическое или познавательное взаимодействие, а постольку нет объекта без субъекта. Вместе с тем, акцентируя внимание на общественной природе познания, В. А. Лекторский подразумевает под субъектом не столько личность, сколько сверхличностную систему, являющуюся носителем знания, реализатором общественного процесса познания. В этом смысле субъективное обозначает фактически познавательную деятельность общества как системы индивидов.

Иная трактовка субъективного предлагается В. С. Тютинным, переносящим центр внимания в психологическую плоскость: «Активный характер психической деятельности, идеальная форма отражения и индивидуальные особенности деятельности субъекта — эти три признака определяют позитивный

¹⁰ Как справедливо отмечает В. С. Тютин: «Проблема соотношения объективного и субъективного при изучении психической деятельности животных и человека отличается сложностью, многогранностью и к настоящему времени еще недостаточно разработана» (В. С. Тютин, 1963, стр. 96).

смысл субъективного. Они содержатся в определении как ощущений, восприятий, так и мыслей и чувств (с различным преобладанием тех или иных моментов)» (В. С. Тюхтин, 1963, стр. 99). В качестве негативного смысла субъективного В. С. Тюхтин отмечает «субъективизм, т. е. ложное, искаженное отражение действительности» (там же, стр. 100).

Приведенные примеры истолкования субъективного показывают довольно широкий диапазон значений. Между всеми этими значениями можно установить, конечно, известные связи; однако некоторые из значений явно выходят за пределы категории психического, не могут быть соотнесены с ней непосредственно. Так как нас интересует прежде всего категория психического, а психическое определяется, как правило, посредством категории субъективного, мы сосредоточим внимание на анализе тех значений «субъективного», которые могут иметь прямое отношение к характеристике психических явлений (анализ же всего диапазона значений термина «субъективное» представляет собой самостоятельную задачу, выходящую за рамки настоящей работы).

В наиболее общем виде субъективное обозначает то, что свойственно субъекту, любые качества, которые присущи человеку как личности; субъективное — значит человеческое. Здесь определенность субъективного достигается относительным противопоставлением человека предмету его познания и действия как объективному. Заметим, что определенность субъективного остается в данном отношении удовлетворительной лишь до тех пор, пока предмет познания и действия мыслится как внешний предмет (в том случае, когда предметом познания становятся, например, собственные действия человека, разграничения субъективного и объективного теряют первоначальную определенность и нуждаются в дополнительных уточнениях). Уже одно это показывает, что приведенный смысл субъективного является не только чрезвычайно общим, но и собирательным. Такое употребление термина «субъективное» неявно таит в себе множество разных значений частного характера, которые важно хотя бы в первом приближении отдифференцировать друг от друга, ибо некоторые из них весьма существенно разнятся между собой.

Следует подчеркнуть, что «субъективное», взятое в общем и собирательном смысле — как то, что присуще человеческой личности, — вполне справедливо используется в качестве предиката «психического» (если мы ограничиваемся человеческой психикой); но такая характеристика, подчеркивая лишь тот факт, что психические явления существуют только как свойства человека, оказывается в то же время крайне абстрактной и сама по себе явно недостаточна.

Если признать, что определенность «субъективного» выдерживается только при условии обязательного противопоставле-

ния его «объективному», то тогда субъективное может быть четко определено только как идеальное (ибо субъективное равнозначно тогда субъективной реальности, не является объективной реальностью). Однако зачастую в научном обиходе такое противопоставление не соблюдается. Если бы оно строго соблюдалось, то тогда психические явления во всех их разновидностях можно было бы квалифицировать в качестве идеальных. Но подобная характеристика неправомерна, ибо некоторые свойства и действия личности представляют собой объективную реальность. Тот факт, что указанное противопоставление не соблюдается, как раз и служит одним из проявлений теоретической неправомерности распространения категории идеального на все психические явления. Нарушение определенности «субъективного» создает своего рода спасительную неопределенность. Однако с подобной неопределенностью трудно примириться, даже если мы и отдаем себе полный отчет в том, что она возникает в области, пограничной между философией, психологией и рядом других дисциплин, имеющих своим предметом человека. (В области теоретических вопросов психологии эта неопределенность возникает потому, что психология вынуждена пользоваться для своих специальных целей некоторыми философскими понятиями, приспособляя их к своему эмпирическому материалу, отчего они заметно видоизменяются, но не порывают вместе с тем окончательно со своим исходным содержанием.) Остановимся на этом подробнее.

Посредством термина «субъективное» нередко выражают такие свойства личности, как индивидуальность и активность (например, в приведенном выше высказывании В. С. Тюхтина). В этом смысле посредством «субъективного» можно характеризовать не только личность, но и всякую живую систему, в том числе и такую, которой не обязательно приписывать наличие психики. Понятия активности и индивидуальности адекватно отображают не только специфику психических явлений, но и специфику физиологических явлений. Особенно отчетливо это видно на примере понятия индивидуальности, ибо каждая отдельная живая система отличается от другой, т. е. является генетически оригинальной, а следовательно, обладает оригинальными чертами биохимических и физиологических процессов. Это справедливо даже в отношении однойцевых близнецов. Чем более сложной является живая система, тем ярче обнаруживается ее индивидуальность как в биохимическом и физиологическом, так и в психологическом планах, т. е. возрастает ее выделенность из окружения, включая выделенность из числа себе подобных, возрастает, если так можно выразиться, степень ее уникальности. При этом исходным и общим основанием психологической оригинальности выступает (как уже отмечалось нами в § 3) генетическая оригинальность, проявляющаяся в уникальных

чертах морфологической организации, метаболических процессов¹¹ и физиологических актов данного организма (это трио образует неразделимое единство; поэтому понятие индивидуальности в равной мере приложимо и к морфологической стороне каждого организма).

Что касается понятия активности, то оно имеет менее широкий диапазон приложений в сравнении с понятием индивидуальности, так как не может быть использовано для описания целого ряда выделяемых аналитическим путем свойств организма или его подсистем (которые тем не менее могут описываться с привлечением понятия индивидуального, как, например, морфология организма или отдельного органа). Однако в принципе понятие активности приложимо к физиологическим явлениям, поскольку они не пассивные отклики на падающие воздействия, а целесообразны. Отсюда обоснованность и плодотворность того направления научной мысли, которое именуется физиологией активности.

Итак, «субъективное» в смысле активного и индивидуально представляет весьма общее значение, относимое с равным правом как к идеальным, так и к материальным, как к психическим, так и к физиологическим явлениям. Взятое в данном смысле, «субъективное» не может быть четко противопоставлено «объективному», и, кроме того, не является специфическим предикатом психических явлений, хотя и целиком правомерно используется для их описания.

В более узком смысле термин «субъективное» применяется для обозначения деятельности личности. Деятельность личности представляет собой систему целенаправленных действий и органически включает не только внешние акты, но и внутренние состояния личности (побуждения, эмоциональные переживания, чувственные образы, мысли и т. п.). В этом смысле «субъективное» также не может быть логически четко противопоставлено «объективному», поскольку внешние двигательные акты представляют собой не идеальную, а материальную деятельность, т. е. некоторую объективную реальность. Однако в данном смысле «субъективное» является специфически психологической характеристикой, ибо всякое психическое явление включено в контекст понимаемой таким образом деятельности или же обуславливает ее с той или иной стороны, в том или ином отношении (заметим, что здесь сохраняется и значение более общего смысла, указанного выше, поскольку деятельность личности носит активный и индивидуальный характер).

¹¹ Индивидуальная специфичность метаболических процессов настолько выражена, что биологи и медики справедливо пользуются термином «биохимическая индивидуальность»; с исследованием индивидуальной специфики биохимических процессов связаны многие фундаментальные проблемы биологии и медицины (см. *Р. Уильямс*, 1960).

Наконец весьма часто термин «субъективное» употребляется в еще более узком смысле, а именно: как особое внутреннее состояние личности, вовсе не обязательно связанное всегда с внешними двигательными актами, как некоторое единство многих подобных состояний, как «субъективный мир» личности. В таком смысле употребляет в большинстве случаев термин «субъективное» И. П. Павлов¹². Здесь уже «субъективное» может быть довольно четко противопоставлено «объективному». В этом смысле «субъективное» обозначает весь класс сознательно переживаемых психических явлений, взятых самими по себе, в отвлечении от связанных с ними экстеродвигательных актов, от вызвавших их внешних причин и обуславливающих их мозговых нейродинамических процессов. Сюда относятся ощущения, восприятия, мысли, эмоциональные переживания, любые целостные сознательные состояния, протекающие в определенном интервале и включающие самые разнообразные сочетания, трансформации, степени «присутствия» аналитически вычленимых традиционной психологией явлений субъективного мира. Подчеркнем еще раз, что подобные состояния личности обладают относительной самостоятельностью, не связаны жестко с деятельностью во внешнем плане; они могут осуществляться в виде деятельности в чисто внутреннем плане.

Таким образом, термин «субъективное», употребляемый в психологических целях, может нести в себе два типа значений, довольно существенно не совпадающих друг с другом, но тем не менее крайне слабо и неохотно дифференцируемых в теоретической психологии.

Первый тип значений представляет *субъективную реальность*, т. е. круг явлений, ни об одном из которых нельзя сказать, что оно существует объективно, вне сознания или независимо от сознательных переживаний индивида. Мысль о виртуальных частицах или о функциональном назначении клеток Реншоу не существует объективно; тем более этого нельзя сказать об ощущениях боли или страстном желании. Из того же, что мысль (желание и т. п.) объективируется в слове, действии, предметах, созданных человеком, вовсе не следует, что мысль существует объективно, что она есть объективная реальность. К явлениям субъективной реальности неприменимы (без грубого насилия над логикой) фундаментальные физические понятия массы и энергии, поскольку они не имеют в этой области ни малейшего объяснительного значения. Это — область информа-

¹² «Я не отрицаю психологии как познания внутреннего мира» (И. П. Павлов, 1951в, стр. 125). И. П. Павлов подчеркивал, что «глупо было бы отрицать субъективный мир. Само собой разумеется, он, конечно, есть. Психология как формулировка явлений нашего субъективного мира — совершенно законная вещь, и нелепо было бы с этим спорить» («Павловские среды», 1955, стр. 415).

ционных процессов высшего уровня; во всей своей полноте она до сих пор охватывалась лишь психологической феноменологией, которая есть и будет своеобразным эмпирическим базисом изучения субъективной реальности.

Разумеется, между субъективной реальностью и объективной реальностью нет непроходимой пропасти, ибо всякое явление из категории субъективной реальности существует лишь в объективированном виде, воплощено в мозговой нейродинамике, проявляется в действиях личности. Но это уже другой вопрос, создающий иную плоскость исследования. Четкое разграничение субъективной реальности от объективной реальности теоретически очень важно для психологии, так как способствует уточнению ее проблем. Акцентируя внимание на понятии субъективной реальности, психология имеет своей задачей объяснение так называемого внутреннего, духовного мира личности. В этом отношении все множество психических явлений, образующих субъективную реальность, представляет все множество идеальных явлений.

Второй тип значений, выражаемых термином «субъективное», включает либо некоторую объективную реальность, связанную с личностью и понимаемую в бихевиористском смысле как поведение, цепь объективно регистрируемых действий личности, либо — в большинстве случаев — некоторое недифференцированное единство явлений субъективной и объективной реальности, ограниченное личностью. В этом последнем значении «субъективное» выражает любые свойства личности, как субъективного (в смысле субъективной реальности), так и объективного плана, а постольку оно полностью охватывает любые психические явления. Здесь «субъективное» отображает (или содержит) три тесно взаимосвязанные, но в психологическом отношении различные категории явлений, а именно: 1) осознаваемые состояния (сюда относятся субъективные явления любой степени осознанности в любой их комбинации и интеграции), 2) неосознаваемые состояния, оказывающие существенное влияние на осознаваемые состояния или образующие скрытую содержательную основу последних, 3) действия личности, понимаемые как последовательность целесообразных двигательных актов. Причем все эти три категории психических явлений приложимы и к конкретному временному отрезку истории личности, и ко всякому интервалу истории личности вообще. В последнем случае они выражают некоторые устойчивые свойства личности, а не только текущие состояния и действия (имеются в виду такие устойчивые свойства личности, как характер, темперамент, способности, интересы, волевые качества и т. д.).

Каждая из перечисленных категорий образует специфическую проблематику психологических исследований и соответственно специфические области нейрофизиологической интерпре-

тации психических явлений. Хотя все эти области тесно связаны и должны быть теоретически соотнесены друг с другом, а в конечном итоге образовать интегративное целое, на современном этапе развития психологии каждая из них явно выделяется в смысле особенностей своих объяснительных задач. Это имеет основание и в том, что сознаваемые состояния представляют собой относительно самостоятельный процесс по отношению к объективно реализуемым действиям личности, в то время как последние обязательно включают более или менее ясно сознаваемую цель и оценку процесса действия и его результатов. Что касается несознаваемых состояний, то они также в конкретном интервале времени могут осуществляться относительно независимо от текущих сознательных состояний и действий личности, хотя всякое текущее сознательное состояние или действие личности включает в качестве необходимого момента или базиса несознаваемые состояния. Кроме того, задача объяснения сознаваемых состояний (явлений субъективной реальности) в сравнении с задачей объяснения несознаваемых состояний или с задачей объяснения действий личности требует использования специальных для каждого случая понятий и методов.

Таким образом, все множество психических явлений не может быть подведено под категорию идеального. Когда говорят, что психика идеальна, то обычно имеют в виду лишь ту совокупность психических явлений, которые представляют субъективную реальность. Именно в этом смысле и употребляются чаще всего термины «психика», «психическое». Вывод о том, что не всякое психическое явление есть идеальное, не вступает в противоречие с предшествующим изложением. Когда в § 5 мы вели полемику с авторами, защищавшими тезис о материальности психики (о том, что психика есть форма движения материи), то у нас с ними был один и тот же предмет спора и всюду шла речь именно о субъективной реальности (ощущениях, мыслях, явлениях сознания и т. п.); так что все критические замечания, высказанные в § 5 в адрес сторонников концепции о материальности психики, остаются в силе.

Все множество психических явлений может быть разбито на две группы: идеальных и материальных. Если к первой из них относятся явления, составляющие субъективную реальность, т. е. хорошо известные каждому из нас, переживаемые более или менее осознанно состояния личности, то ко второй — явления, составляющие объективную реальность личностных процессов, т. е. действия личности и те протекающие на уровне головного мозга информационные процессы, которые в значительной мере ответственны как за результаты и динамику сознаваемых состояний, так и за реализацию действий личности, но не сознаются личностью либо в данный момент, либо вообще. В отличие от

явлений субъективной реальности, т. е. идеальных явлений, которые представляют собой «открытую» для личности информацию и потому доступную произвольному оперированию ею, явления, образующие подкласс несознаваемых состояний, представляют собой информацию, «закрытую» для личности в данный момент, в подавляющем большинстве случаев или вообще, и потому непосредственно недоступную для произвольного оперирования ею.

Утверждение, что все психические явления идеальны, с очевидностью ведет к исключению, изъятию из психологии изучения несознаваемых состояний личности и ее действий, что абсурдно. В равной мере теоретически несостоятельно утверждение, что все психические явления материальны, ибо оно означает игнорирование специфики самого уникального класса явлений из всех известных естествознанию и, по существу, снимает проблему их исследования и объяснения.

Разумеется, и идеальные и материальные психические явления обусловлены мозговой нейродинамикой и осуществляются ею. Но важно иметь в виду особенности нейродинамической интерпретации в каждом из этих случаев (задача нейродинамической интерпретации сознаваемых состояний имеет ряд специфических особенностей по сравнению с задачей нейродинамической интерпретации несознаваемых состояний и действий).

Все множество психических явлений может быть подведено под категорию субъективного. Однако при этом следует иметь в виду то обстоятельство, что в данном, т. е. психологическом, отношении категория субъективного означает все личностные характеристики. Во избежание недоразумений, при анализе психофизиологической проблемы правомерно различать по крайней мере два значения термина «субъективное» — широкое и узкое, а именно: 1) как всякую характеристику (свойство) личности и 2) как явление субъективной реальности, т. е. идеальное. Целесообразно было бы во избежание неоднозначного истолкования указанного термина обозначить эти разные значения с помощью разных терминов. В дальнейшем термин «субъективное» мы будем употреблять только в значении идеальных явлений (явлений субъективного мира); в тех же случаях, когда речь будет идти о первом, более широком значении, мы будем употреблять термин «личностное», а не «субъективное».

В этой связи попытаемся кратко обсудить вопрос, часто поднимавшийся в нашей философской и психологической литературе, посвященной психофизиологической проблеме, а именно: правомерно ли посредством категорий объективного и субъективного описывать отношение физиологического и психологического. Некоторые авторы категорически отрицают такую возможность (В. П. Петленко, 1960; Н. В. Рыбакова, 1962; Е. В. Шо-

рохова и В. М. Каганов, 1962, и другие); они обосновывают это тем, что психическое не является только субъективным, так как несет в себе объективное содержание и является продуктом рефлекторной деятельности головного мозга, но при этом термин «субъективное» берется ими в весьма расплывчатом значении, в котором смешиваются его гносеологический и психологический смысл. Наоборот, другие авторы настаивают на правомерности описания соотношения физиологического и психического посредством понятий объективного и субъективного, рассматривая психическое как субъективную сторону определенных физиологических изменений в головном мозгу (Ф. П. Майоров, 1951; В. И. Мальцев, 1964, и другие).

На наш взгляд, такое описание вполне приемлемо, если под психическим иметь в виду лишь идеальные явления и соответственно использовать термин «субъективное» в указанном выше узком психологическом смысле, т. е. в смысле явлений субъективной реальности, непосредственно сознаваемых, идеальных явлений. Как справедливо пишет В. И. Мальцев: «Психическое не «надстраивается» над физиологическим, а представляет собой совпадающий с объективным физиологическим процессом идеальный момент, некоторое субъективное состояние» (В. И. Мальцев, 1964, стр. 118). В этом отношении психическое действительно правомерно квалифицировать как субъективную сторону, или, лучше, как субъективное проявление объективных мозговых нейродинамических процессов. Это касается только того подмножества психических явлений, которые составляют класс идеальных¹³. Другое подмножество психических явлений, действия личности могут быть квалифицированы в качестве объективных проявлений объективных мозговых нейродинамических процессов. Иначе говоря, мозговой нейродинамический код субъективных состояний, с одной стороны, и действий личности, с другой стороны, различен по многим существенным показателям.

¹³ В этой связи стоит обратить внимание на нечеткое употребление терминов при описании деятельности головного мозга, встречающееся довольно часто как в сравнительно давней, так и в новой литературе, что затеняет понимание сущности психических явлений и их отношения к нейродинамическим процессам определенной локализации. Так, например, можно прочесть, что «в зрительном бугре импульсы чувствительности перестают быть объективными; здесь происходит сочетание экстероцептивных импульсов с интероцептивными, импульс чувствительности получает эмоциональную окраску» (Е. К. Сепп, М. Б. Цуккер, Е. В. Шмидт, 1950, стр. 123. Курс. мой.— Д. Д.). «Импульсы чувствительности», т. е. афферентные нервные импульсы, конечно, никогда и нигде не перестают быть объективными, и, хотя в общем-то мысль авторов понятна, подобный способ выражения мешает основательному освещению вопроса. Еще один пример, на этот раз из более новой литературы: «Гиппокампова извилина получает ощущение от теменной, зрительной, слуховой, обонятельной и висцеральной областей...» (В. М. Банщикова, В. Н. Русских, 1966, стр. 348. Курс. мой.— Д. Д.). В данном контексте, конечно, было бы правильно говорить не об ощущениях, а о нервных импульсах и иных нейродинамических процессах.

Приведенные соображения об использовании категорий идеального и субъективного имели своей целью показать необходимость дифференциации различных значений, обычно связываемых с этими категориями, что особенно важно, когда они употребляются для теоретических построений в психологии или в области психофизиологической проблемы, т. е. не в широком философском плане, а при исследовании конкретных задач современной науки.

В заключение остановимся кратко на вопросе о приложимости понятий идеального и субъективного к психической деятельности животных. Среди авторов, касавшихся этого вопроса, существуют большие разногласия. Так, Е. В. Шорохова (1961), М. Пастернак (M. Pastrňak, 1963), М. Моравек и Е. Менерт (M. Moravek, E. Menert, 1965) и другие считают обязательным использование категории субъективного при характеристике психических явлений у животных. Наоборот, Б. И. Восток, А. М. Коршунов, А. Ф. Полторацкий (1966) и другие отрицают категорически такую возможность; по мнению последних, у животных нет субъективных образов, так как у них нет познания. В. С. Тюхтин (1963) утверждает, что животным присущи идеальные образы, а Я. А. Пономарев (1964б) решительно отрицает это. Подобные разногласия проистекают, как правило, из весьма абстрактного и неопределенного употребления понятий субъективного и идеального. Обсуждение указанного вопроса без предварительного уточнения смысла используемых в данном случае терминов «субъективное» и «идеальное» оказывается совершенно непродуктивным, хотя бы потому, что разные авторы выражают с их помощью разные явления. Например, М. Моравек и Е. Менерт считают, что «понятие субъективности необходимо распространить как общее биологическое явление на все организмы» (M. Moravek, E. Menert, 1965, s. 162), при этом они квалифицируют субъективность как активность организма. Другие же авторы, говоря о субъективном, имеют в виду прежде всего свойства психического образа у животных или же подразумевают под субъективным некоторое весьма недифференцированное содержание, включающее и активность, и индивидуальность, и свойства психического образа и т. д.

На наш взгляд, суть вопроса заключается в том, возможно ли приписывать животной психике свойство субъективности в указанном выше узком смысле, совпадающем со значением термина «идеальное» (ибо правомерность использования понятия субъективного в других отношениях — в смысле активности, индивидуальности и т. п. — здесь не вызывает ни малейшего сомнения).

Материалы зоопсихологии, в особенности новейшие данные этологического направления (N. Tinbergen, 1962; К. Лоренц, 1970, и др.), заставляют отбросить упрощенные взгляды на поведение животных и, скорее всего, дать положительный ответ

на поставленный вопрос. Весьма убедительные факты на этот счет содержатся, например, в работах А. Алперса (A. Alpers, 1960) и Дж. Лилли (1965), посвященных исследованию жизни дельфинов. Можно отметить также экспериментальные данные А. Я. Марковой (1967), показавшей наличие образов-представлений у низших обезьян. Большой интерес в указанном отношении имеют оригинальные исследования М. А. Гольденберга (1961) и его сотрудников, создавших модели психозов на животных при инфекциях и различных интоксикациях (атропиновой, акрихиновой, тофраниловой и т. д.). Эти исследования в области экспериментальной психопатологии показали, что у животных могут возникать галлюцинации и состояния, напоминающие делирий и другие психопатологические синдромы, и что животные в определенной форме дифференцируют образ и объект, а следовательно, в некотором отношении выделяют себя из среды. Обобщая результаты исследований в этой области, П. П. Волков и Ц. П. Короленко пишут: «Субъективное отождествление образа объекта с самим объектом в психической деятельности животных происходит лишь в условиях экспериментальной патологии, именно при галлюцинаторных состояниях, когда отражение животным внешнего мира нарушается и поведение их оказывается адекватным не реальной окружающей ситуации, а содержанию галлюцинаторных переживаний» (П. П. Волков, Ц. П. Короленко, 1966, стр. 23)¹⁴. Авторы приводят следующее описание экспериментального «делирия», вызванного у собак: «Они как будто нападают или защищаются, со страхом осматривая невидимые предметы и бессмысленно убегают, или, сильно лая, бешено как бы сопротивляются, иногда «хватают мух» и проявляют парестезии», (там же, стр. 26).

Эти данные весьма серьезно свидетельствуют в пользу того, что психические образы и переживания животного могут расцениваться как субъективная реальность, откуда следует приложимость понятия идеального к психике животных. Разумеется, когда идет речь об идеальном у животных, следует видеть качественное отличие человеческой психики. Быть может, даже следует подумать о том, чтобы ввести какой-либо иной термин для обозначения субъективной реальности у животных. Мы сочли целесообразным подчеркнуть общность, а не различие, имея целью показать несостоятельность бытующих еще упрощенческих представлений о психике животных. Этот вопрос требует специального обсуждения и тщательного исследования.

¹⁴ Между прочим, отправляясь от анализа материала, полученного на животных, авторы приходят к весьма важному выводу, что «проблема «психика-мозг» не может быть оторвана от проблемы «образ-предмет». Это косвенно свидетельствует о несостоятельности так называемого онтологического подхода к изучению психики» (П. П. Волков, Ц. П. Короленко, 1966, стр. 26).

**§ 13. О сознательных и бессознательных психических явлениях.
Сознание и самосознание
(в связи с некоторыми методологическими вопросами психиатрии)**

В марксистской философии и психологии сознание принято рассматривать как специфически человеческое качество. В отличие от многих западных естествоиспытателей и теоретиков, приписывающих явление сознания всем животным организмам (Е. W. Vinacke, 1952; М. Vertregt, 1965, и др.), с точки зрения диалектического материализма сознание представляет собой высшую форму психического отображения действительности, присущую только общественному индивиду. Возникновение сознания означало в историческом плане возникновение нового способа саморегуляции на базе психического, гигантское расширение диапазона активности поведения (в смысле увеличения его «степеней свободы»), возможность оперирования в чисто идеальном плане, предвещающего реальные действия. Этот способ саморегуляции обусловлен общественной жизнью и не может быть выведен из чисто биологической эволюции. Психическая деятельность животных ограничена весьма узким и сравнительно стабильным кругом потребностей. Животное не сознает себя и не выделяет, следовательно, себя из среды в том виде, как это свойственно человеку. Проявлением этого является неспособность животного узнавать свое отображение, о чем свидетельствуют специально проведенные эксперименты (см. Plessner, 1965). Животные являются «рабами своего сенсорного поля», по словам К. Р. Мегрелидзе, который хорошо отделил качественные особенности человеческой психики: «Человеческое сознание,— писал он,— располагая свободно воспроизводимыми образами и представлениями, не ограничено только сенсорным полем настоящего момента. Оно может в своем воображении свободно двигаться вдоль вектора времени вперед и назад от пункта настоящего. Поведение человека определяется не столько наличной ситуацией, сколько ситуацией мыслимой и представляемой... Короче говоря, свободное идеаторное содержание сознания составляет в психологическом отношении ту существенную особенность, которая отличает сознание человека от животного сознания». (К. Р. Мегрелидзе, 1965, стр. 113).

Обсуждение проблемы сознания предполагает четкое разграничение общественного и индивидуального сознания, учитывая, разумеется, их взаимосвязь. В статье Ю. А. Левады делается убедительный вывод, что «структура индивидуального сознания воспроизводит некоторую структуру действия общественного сознания», а постольку «создается возможность для использования знаний относительно одного из этих уровней в качестве модели для объяснения другого уровня» (Ю. А. Левада, 1966, стр. 63). Этот вывод важен в том плане, что подчеркивает со-

вместимость различных плоскостей исследования проблемы сознания, включая те плоскости, которые образуют в этом отношении психология, психиатрия, кибернетика и другие естественнонаучные дисциплины, имеющие те или иные доступы к изучению сознания индивида. Тем самым закрепляются условия для преодоления абстрактно-догматического подхода к проблеме сознания, третирующего участие естественнонаучных и математических дисциплин в разработке этой проблемы.

Сознание как идеальное отображение есть свойство общественного индивида и существует лишь в системе индивида. Как уже подчеркивалось, это свойство обусловлено общественной жизнью. Однако при этом чрезвычайно важно признание правомерности исследования сознания именно как свойства отдельного общественного индивида, личности. Попытаемся показать методологическую обоснованность и насущную необходимость такого рода исследований.

Отношение между отдельным человеком и обществом есть отношение между элементом и системой, вне которой элемент, естественно, не существует в своем специфическом качестве. Рассмотрим в самых общих чертах это отношение, используя понятие самоорганизующейся системы. Выделим простые и сложные самоорганизующиеся системы. В отличие от простых сложные самоорганизующиеся системы состоят из элементов, которые также являются самоорганизующимися системами, только низшего порядка. Такие элементы (для многоклеточного организма — отдельная клетка, для общества — отдельный индивид) обладают относительно автономной программой. Чем сложнее самоорганизующаяся система, тем выше степень автономии и разнообразия программ ее исходных самоорганизующихся элементов и тем сложнее формы координации и интеграции этих программ как в пределах ее разнообразных иерархически и конкурентно соотносящихся подсистем, так и в масштабах целостного поведения всей системы. Не вдаваясь в анализ структуры сложных самоорганизующихся систем, мы хотим подчеркнуть только то обстоятельство, что ее элемент представляет собой определенный уровень самоорганизации; следовательно, не только система обуславливает свойства элемента, но и элемент обуславливает свойства системы. Здесь обнаруживается существенная диалектическая связь, ибо *«как само общество производит человека как человека, так и он производит общество»* (К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 589).

В силу всего этого допустимо рассматривать элемент в качестве самостоятельного объекта исследования, абстрагируясь соответствующим образом от системы, т. е. правомерно исследование необходимых и существенных свойств общественного индивида, выступающего в данном отношении в качестве само-

организующейся системы, выявление специфических для человека способов саморегуляции (в отличие от способов саморегуляции, присущих высокоразвитым животным), что связано с насущными интересами социальных, медико-биологических и технических дисциплин.

Сознание есть свойство общественного индивида, обеспечивающее ему качественно высший тип саморегуляции в сравнении с психической деятельностью животных. Следует, однако, отметить, что четкое описание этого свойства наталкивается на значительные трудности. В последние годы проблеме сознания было посвящено большое число работ, в том числе ряд монографий (Н. П. Антонов, 1959; П. Ф. Протасеня, 1959; А. А. Меграбян, 1959; А. Г. Спиркин, 1960; Е. В. Шорохова, 1961; В. Ф. Кузьмин, 1964; Ф. В. Бассин, 1968, и др.), тем не менее указанные трудности все еще нельзя считать преодоленными. Это объясняется многогранностью проблемы сознания, сложным переплетением философских, психологических, психиатрических, кибернетических, нейрофизиологических ее аспектов.

Ниже мы попытаемся проанализировать сущность сознательных и бессознательных психических явлений главным образом в психологическом и психопатологическом аспектах.

Как уже говорилось, все множество психических явлений не может быть отождествлено со всем множеством идеальных явлений. Другими словами, категория сознания не охватывает всех психических явлений. Сознание представляет субъективные переживания индивида, протекающие на фоне интегрально оформленного психического опыта, т. е. весь класс явлений субъективной реальности, которая непосредственно дана личности. Однако помимо явлений субъективной реальности существует не менее обширный класс психических феноменов, которые не даны личности непосредственно, осуществляются, так сказать, вне сферы сознания, но в то же время выступают в роли существенного и неотъемлемого фактора наших сознательных переживаний и действий. Развитие современной психологии убедительно показывает необходимость теоретического выделения и анализа класса бессознательных психических явлений.

Попытки отрицания этого класса психических явлений равнозначны отождествлению понятий сознания и психического. Так поступает, например, М. О. Гуревич, утверждая, что «сознание охватывает всю совокупность психических процессов» (М. О. Гуревич, 1949, стр. 76). Особенно активную позицию отрицания бессознательных психических явлений занимает А. Т. Бочоришвили, настойчиво отстаивающий тезис: «психическое явление не может быть вне сознания» (А. Т. Бочоришвили, 1966, стр. 272)¹⁵

¹⁵ Аналогичную точку зрения отстаивает и В. Л. Какабадзе: «Бессознательное психическое...,— пишет он,— остается пока что голой гипотезой, а не реальной действительностью» (В. Л. Какабадзе, 1966, стр. 325).

и убежденный в том, что иная позиция «не совместима с научно-материалистической точкой зрения» (там же, стр. 270).

Приведем один из центральных аргументов А. Т. Бочоришвили: «сознание — форма существования психики, приписать психике способность существования вне сознания, значит превратить ее (идеальное) в материальное» (А. Т. Бочоришвили, 1966, стр. 267). Собственно, А. Т. Бочоришвили доказывает то, что содержится в его исходных посылах: всякое психическое явление — идеально, есть явление сознания; но если всякое психическое явление понимается только как сознательное переживание, то ясно, что говорить о бессознательных психических явлениях не имеет смысла. При этом автор не анализирует специально понятия о психическом на основе материала современной психологии и обходит молчанием общеизвестные факты, противоречащие его точке зрения. Достаточно привести в качестве примера данные о реализации гипнотического внушения после пробуждения. Подобные эксперименты показывают, что испытуемый совершенно не сознает данной ему инструкции, субъективно не переживает ее содержание и тем не менее выполняет после пробуждения то, что ему было предписано в гипнотическом состоянии. Спрашивается, можно ли расценить восприятие инструкции в гипнозе данным субъектом как психическое явление, присущее данному субъекту? Ведь само явление восприятия инструкции отрицать невозможно. Если это явление можно квалифицировать в качестве психического, то это противоречит взгляду А. Т. Бочоришвили. Если нет, то тогда это явление следует отнести к категории физиологических, что представляет собой заведомую натяжку, так как с равным успехом можно было бы отнести в том же отношении к категории физиологических явлений и сознательное восприятие инструкции (ибо всякое психическое явление есть функция головного мозга и, следовательно, имеет свой нейрофизиологический эквивалент). В этом отношении и сознательно воспринимаемая инструкция, и бессознательно воспринимаемая инструкция равноправны. Бессознательно воспринимаемая инструкция, формирующая и запускающая целостный поведенческий акт (в такой же мере, как и сознательно воспринимаемая инструкция, вызывающая аналогичное следствие), есть психическое явление, ибо представляет собой восприятие *содержания* сообщения, информационный процесс, взятый в его безразличии к форме сигнала, т. е. целиком находится в сфере *психологического объяснения*, как известно, не требующего обязательной ссылки на действие нейронных механизмов головного мозга.

Если факт бессознательного восприятия инструкции налицо (что доказывается повторяемостью эксперимента), то это восприятие должно быть отнесено к категории личностных и, следовательно, психических явлений, хотя оно в то же время и не

является идеальным, ибо не является для воспринимающей личности субъективной реальностью. Заметим, что А. Т. Бочорисвили совершенно необоснованно пытается исключить явление установки из категории бессознательно-психического, вопреки недвусмысленным утверждениям создателя теории установки Д. Н. Узнадзе¹⁶. Несостоятельность этих попыток убедительно раскрыл И. Т. Бжалава (1967).

В этой связи следует критически отнестись и ко взглядам С. Л. Рубинштейна. «Навряд ли у человека,— пишет он,— какое-либо психическое явление может быть вовсе вне сознания. Однако возможно не осознанное, «бессознательное» переживание. Это, конечно, не переживание, которое мы не испытываем или о котором мы не знаем, что мы его испытываем; это переживание, в котором не осознан предмет, его вызывающий» (С. Л. Рубинштейн, 1946, стр. 9). Как видим, С. Л. Рубинштейн также фактически отрицает категорию бессознательно-психических явлений. То, что он именует неосознанным переживанием, в действительности выступает в качестве сознательного явления, сознаваемого переживания личности. Имея же в виду неосознанность источника переживания или неадекватное соотношение его с источником, мы совершаем переход в принципиально иную плоскость и по существу затемняем вопрос о сущности бессознательного. Ибо бессознательно-психические явления как раз и представляют собой такие состояния, которые мы субъективно не испытываем и в данный момент не знаем о них, что справедливо подчеркивает в противовес С. Л. Рубинштейну Г. И. Косицкий (1966).

В обобщающей работе Ф. В. Бассина (1962а) систематизировано большое число экспериментальных материалов и наблюдений, свидетельствующих о реальности бессознательно-психических явлений и чрезвычайной актуальности дальнейших исследований в этой области, т. е. проблемы скрытых от сознания связей и состояний, оказывающих существенное, а иногда и решающее влияние на реализацию субъективных переживаний личности и ее поведенческих актов. Называя всю совокупность явлений, относящихся к категории бессознательно-психических, феноменом «отщепления», Ф. В. Бассин показывает широкую представленность этого феномена в психической деятельности человека: «в любом произвольном действии,— пишет он,— могут быть выделены фазы, реализующиеся в большей или меньшей степени в условиях «отщепления». А нередко, как это хорошо известно, и почти весь процесс выполнения произвольного действия, кроме его конца, составляющего цель действия, полно-

¹⁶ Согласно Д. Н. Узнадзе «психика включает в себя два больших, одинаково необходимых компонента явлений — компонент сознательных и компонент бессознательных психических переживаний» (Д. Н. Узнадзе, 1966, стр. 136).

стью из сознания выпадает» (Ф. В. Бассин, 1962б, стр. 117). Единство сознательного и бессознательного во всяком личностном акте справедливо подчеркивается А. Н. Шогомом (1966), И. М. Фейгенбергом (1966), А. М. Халецким (1966а) и другими участниками Всесоюзного симпозиума, посвященного проблеме сознания (1966).

В новой монографии Ф. В. Бассина (1968) проблема бессознательного получила многоплановое освещение и тщательную разработку под углом зрения выявления роли бессознательного как фактора регуляции поведения личности. Ф. В. Бассин уделяет основное внимание анализу трех аспектов указанной проблемы: 1) исследованию специфической категории мозговых процессов и психологических реакций, которыми организм отвечает на сигналы, без того, чтобы все это реагирование или отдельные его фазы осознавались; 2) исследованию с точки зрения отношений, которые складываются при разных условиях между бессознательным и деятельностью сознания; 3) исследованию механизмов и пределов влияний, оказываемых несознаваемым регулированием на динамику отдельных психологических и физиологических функций и поведение в целом. При этом Ф. В. Бассин тесно увязывает проблему бессознательного с современными биокибернетическими направлениями изучения деятельности головного мозга.

Современный этап развития психологии и пограничных с ней дисциплин требует дальнейшего углубленного теоретического анализа сущности бессознательно-психических явлений. Это диктуется развертыванием многообещающих исследований воздействия невоспринимаемых раздражителей (Г. В. Гершуни, 1955; Y. W. Mac Connel, R. L. Culter, E. V. Mac Neil, 1958; Б. И. Хачапуридзе, 1963, и др.), проблемы антиципации (С. Г. Геллерштейн, 1966), плодотворной работой в области гипнопедии (А. М. Свядош, 1959, 1962; D. Curtis, 1960; В. Н. Куликов, 1964; Н. Д. Завалова, В. П. Зухарь, Ю. А. Петров, 1964; Л. А. Близниченко, 1966, и др.)¹⁷, чрезвычайной актуальностью дальнейших исследований в области психологии творчества (см. М. С. Бернштейн, 1965, 1966), задачами изучения явлений сна, сновидений и гипноза, проблемой неврозов и психо-соматических корреляций в медицине, моделирования психических функций с помощью средств кибернетики и т. д. Трудно даже перечислить те области знания и проблемы, зачастую сильно переплетающиеся друг с другом, в которых понятие о

¹⁷ Приведем в качестве иллюстрации ведущей роли проблемы бессознательного в гипнопедии следующее высказывание В. Н. Куликова: «Восприятие и запоминание во сне являются, очевидно, деятельностью подсознательной сферы человеческой психики. Это подтверждается тем, что при обучении во сне не осознается ни процесс восприятия, ни содержание воспринимаемого. Испытуемые, как правило, переживают знания, полученные во сне, как неизвестно откуда взятые» (В. Н. Куликов, 1964, стр. 94).

бессознательно-психических явлениях играет сейчас незаменимую роль.

Понятие бессознательного охватывает весьма широкий и разнообразный по своему составу класс психических явлений. Однако трудно согласиться с Ф. В. Бассиным в том отношении, что по сравнению с сознательно-психическими явлениями «неосознаваемые формы психической деятельности являются нейродинамикой низшего типа» (Ф. В. Бассин, 1962б, стр. 123), так как это противоречит многим фактам¹⁸. Еще С. С. Корсаков отмечал возможность протекания ниже уровня сознания не только простейших психических процессов (например, элементарных побуждений и влечений), но и высших творческих актов, совершаемых, по его словам, «работой бессознательной идеации» (С. С. Корсаков, 1901, стр. 87). В психологической литературе описаны факты, когда математики находили во сне решение трудных задач; химик Кекуле, находясь в состоянии сна, составил структурную формулу бензола, Тартини сочинял во сне музыку, а Вольтер — стихи (см. В. Зухарь и И. Пушкина, 1964); общеизвестна роль интуиции в творческом процессе. Поэтому вряд ли правомерно считать, что за эти и подобные формы психической деятельности ответственна нейродинамика низшего типа.

Но в такой же мере было бы неправильно отдавать предпочтение в этом плане подсознательным процессам вообще, как на этом настаивают современные представители психоаналитического направления (Р. Бернгард, 1964, и др.)¹⁹. Судя по имеющимся нейрофизиологическим данным, критерий сложности, являющийся к тому же весьма неопределенным, не может служить для разграничения сознательных и бессознательных психических явлений.

Следует признать, что понятие о бессознательно-психических явлениях употребляется в научной литературе в разных значениях. Во избежание недоразумений, попытаемся выделить те основные значения, которые позволяют с достаточной определенностью употреблять термин «бессознательно-психическое явление».

¹⁸ Следует отметить, что в новой монографии Ф. В. Бассина (1968) указанный тезис в значительной степени преодолен. Однако автор не уделяет все же должного внимания анализу таких сложных психических явлений, связанных с бессознательным уровнем протекания мозговых информационных процессов, как, например, интуиция. Это, на наш взгляд, составляет один из недостатков ценной и чрезвычайно актуальной работы Ф. В. Бассина (см. А. Г. Спиркин, Д. И. Дубровский, В. И. Дочев, 1970).

¹⁹ Мы намеренно обошли критическое рассмотрение концепции бессознательного, развитой Фрейдом, и ее современные модификации, так как это заняло бы много места и увело бы нас в сторону. Такого рода критическое рассмотрение представляет собой самостоятельную задачу. Во всяком случае одно ясно: нельзя отделаться от этих концепций одним только зряшным отрицанием. Отметим, что значительный шаг вперед в направлении основательного критического анализа концепции З. Фрейда был сделан в последнее время в книге Ф. В. Бассина (1968).

ние». Можно выделить два таких значения. Первое: как то, что не находится в поле сознания, не осознается личностью в данный момент, но способно оказывать существенное влияние на текущие субъективные переживания и действия (сюда относится *все*, что не находится в поле сознания в данный момент, т. е. и то, что легко вовлекается в поле сознания в следующий момент, определяя динамику его содержания, и то, что с трудом и лишь частично способно войти в поле сознания, и то, что всегда в основном остается в подсознательной сфере, косвенно влияя на характер содержательных изменений в поле сознания). Второе значение: та сторона психической деятельности, которая вообще непосредственно не осознается личностью, выступает в сфере осознанного лишь в «снятом» виде и может быть выявлена лишь в результате специального психологического анализа.

Для ряда целей теоретического рассмотрения сознания, в частности при анализе структурно-динамического аспекта сознания как переживаемой личностью субъективной реальности, целесообразно употреблять термин «бессознательно-психическое» в первом, более широком значении.

Сознание как идеальный процесс есть такое психическое качество, которое несводимо к отдельным разновидностям субъективных явлений (т. е. к ощущению или к мышлению и т. д.), хотя и не существует помимо них; оно проявляется во всяком комплексе субъективных переживаний личности, независимо от составляющих его модальностей. Сознание как таковое инвариантно и по отношению ко всевозможному содержанию субъективных переживаний. К. Маркс писал: «Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это — *знание*» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 633). Но это может быть любое знание, которое присуще индивиду в данный момент и во всякий момент вообще. Тем не менее знание всегда дано индивиду в форме определенных субъективных переживаний, локализованных во времени. Постольку сознание необходимо связано с субъективными переживаниями, протекающими в данный момент, «сейчас». Это «сейчас» непрерывно движется, создавая непрерывный психический континуум личности, который обрывается сном или другими, как правило патологически обусловленными, состояниями. Иначе говоря, сознание существует для личности только в настоящем, но это — *текущее настоящее*. В дальнейшем мы будем использовать термин «текущее настоящее» для обозначения любого интервала непрерывного течения субъективных переживаний любого содержания. Каждая точка этого интервала есть для личности «настоящее», даже если содержанием субъективного переживания является прошлое или возможное будущее. Указанный интервал допустимо измерять как весьма малым

отрезком времени, так и всем периодом бодрствования в течение суток; он может включать большую или меньшую содержательную емкость в равные отрезки времени и различный темп изменения содержания субъективных переживаний (в том случае, когда я, например, фиксирую взгляд в течение минуты на каком-либо несложном предмете и стараюсь думать только о нем, темп изменения содержания будет медленным; но в течение той же минуты я могу неоднократно переключать внимание на разные объекты, пережить сложные и противоречивые чувства или лихорадочно перебрать множество вариантов в поисках выхода из трудного положения и т. п.²⁰ Здесь можно говорить уже о более быстром темпе изменения содержания). Все, что остается за пределами «текущего настоящего», есть бессознательное в широком смысле.

Сознание индивида не существует вне «текущего настоящего». Однако последнее не дает полной характеристики сознания, хотя и содержит в неявном виде многие его существенные черты. Для того чтобы явно выразить эти существенные черты сознания, необходимо использовать другие понятия. «Текущее настоящее» несет в себе лишь незначительную часть психического опыта личности; оно не характеризует сознание в достаточно полной мере с его активной стороны. Между тем текущие субъективные переживания не являются просто потоком, детерминированным окружающей действительностью. Это течение субъективных переживаний контролируется индивидом и в принципе управляемо им. Поэтому, характеризуя сознательную психическую деятельность, необходимо четко выделить такое ее свойство, как направленность, или *вектор активности*. Это свойство выражает проекцию личности в будущее и обозначается посредством таких терминов, как: «потребность», «цель», «план» и т. д.

Проекция личности в будущее органически связана с проекцией личности в прошлое, так как последняя обуславливает выбор необходимой информации для построения и реализации текущих программ. Проекция личности в будущее субъективно переживается в виде спектра психических состояний, различные уровни которого описываются как побуждение, влечение, желание, стремление, намерение, план и т. д. По крайней мере некоторые из этих уровней всегда представлены в данном «текущем настоящем», которое содержит в себе движущийся эпицентр проекций в прошлое и будущее.

Существует, однако, еще одна чрезвычайно важная характеристика, без которой нельзя описать сознание как свойство лич-

²⁰ Чрезвычайно интересный экспериментальный материал, касающийся «субъективной временной конденсации» содержания переживаний и темпа его изменения приводится в монографии Л. Купер и М. Эриксона (L. F. Cooper, M. N. Erickson, 1959).

ности. Сознание — это контролируемое и управляемое личностью идеальное отображение действительности, неустранимой частью которой является сама личность. Поэтому сознание личности означает не только осознание внешних объектов, но и осознание себя и своей психической деятельности. Другими словами, сознание личности немислимо без самосознания. Только на основе единства осознания себя и осознания иного может быть обеспечена высшая форма саморегуляции, присущая человеческой личности. Всякий акт сознания диалектически противоречив в том смысле, что содержит как сознание иного, так и сознание себя. Отсюда вовсе не следует, что «я» и «иное» даны личности недифференцированно; наоборот, это диалектическое единство как раз и является непременным условием вычленения иного как противопоставления себе и соотнесения с собой или вычленения себя как противопоставления иному и соотнесения с иным. На этой основе только и осуществимо *познание*, т. е. и познание объективной реальности, и познание субъективной реальности идеальных процессов, переживаемых индивидом.

Вопрос о соотношении категорий сознания и самосознания составляет узловой пункт теоретического исследования целого ряда проблем гносеологии, психологии, психиатрии и других смежных с ними дисциплин. Поэтому мы попытаемся подробнее рассмотреть указанный вопрос, начав с критического обсуждения концепции Е. В. Шороховой.

В своей монографии «Проблема сознания в философии и естествознании» Е. В. Шорохова справедливо выступает против идеалистической мистификации самосознания, обоснованно показывает недопустимость сведения сознания к самосознанию. В результате ею выдвигается следующее положение: «Самосознание — это вид сознания» (Е. В. Шорохова, 1961, стр. 263)²¹.

Этот тезис концепции Е. В. Шороховой является, по меньшей мере спорным, и выводится он, как нам кажется, из не менее спорных оснований. Рассмотрим аргументацию этого тезиса: «Сознание как разумное отражение мира в его движении и развитии может осуществляться без осознания человеком самого процесса отражения. Человек может адекватно отразить явления, познать их, правильно реагировать на них, понимая их смысл, т. е. осознавать эти явления, но себя, как познающего субъекта, своей деятельности в ответ на воздействия не осмысливать, иначе говоря, не сознавать, не понимать. У человека могут существовать мысли, чувства, побуждения, которые он не понимает, хотя они вызывают его деятельность, хотя человек

²¹ Этот тезис защищается автором и в более поздней работе: «Отправляясь от общепсихологической характеристики сознания, самосознание можно психологически характеризовать как вид сознания» (Е. В. Шорохова, 1965, стр. 11).

реагирует на отраженные в этих мыслях и чувствах явления» (Е. В. Шорохова, 1961, стр. 263).

Из отрицания тождества понятий сознания и самосознания еще не следует, что самосознание есть вид сознания и что существуют такие сознательные акты, которые начисто лишены качества самосознания. Заметим, что трактовка самосознания как вида сознания (преимущественно в генетическом плане) отчетливо выражена уже у В. М. Бехтерева (1888), а в наше время она отстаивалась С. Л. Рубинштейном (1946). Иная линия, трактующая самосознание как необходимую сторону всякого сознательного акта, восходит в отечественной психологии к А. Галичу (1834) и идет от него к А. А. Потебне (1922) и И. М. Сеченову. Это хорошо показано в содержательной работе П. Р. Чамата (1966), дающей убедительное обоснование генетического единства сознания и самосознания.

Рассмотрим, однако, аргументацию Е. В. Шороховой по существу. Действительно, есть такие сознательные переживания личности, в которых мысли и чувства сосредоточены на своем «я», имеют своим содержанием другие чувства, мысли, планы, желания и т. п. В процессе подобных сознательных актов совершаются самоанализ и самооценка своих действий и поступков, выясняется правомерность впечатлений и выводов, их корректировка, т. е. все те операции саморегулирования личности, без которых немислимо ее адекватное поведение в общественной среде. Однако даже в условиях самой крайней поглощенности собой сознательное переживание не может быть абсолютно замкнуто на самой личности, оно так или иначе вовлекает в свое русло содержание, относящееся к другим личностям, различным внешним объектам и обстоятельствам.

Но ту же двойственность в едином мы обнаружим и тогда, когда сознательный акт личности нацелен на внешний объект, когда осуществляется пристальное наблюдение за поведением этого объекта или строгое логическое рассуждение о его свойствах. Речь идет о том, что и в случаях самозабвенной увлеченности изучением (наблюдением) внешнего объекта личность никогда не бывает абсолютно отрешенной от себя, от своего «я»; она в той или иной мере обязательно сознает себя хотя бы посредством переживания эмоционально-интеллектуального фона движущейся мысли, связанного с такими чувствами, как удовлетворенность или неудовлетворенность, эстетическая сообразность, интуитивная оправданность и т. п. Индивид непрерывно контролирует, если не в деталях, то глобально, свои сознательные переживания, в том числе мысли любого содержания, их направленность и эффективность. Трудно представить такую ситуацию (за исключением, быть может, некоторых патологических случаев), когда бы индивид мог «адекватно отразить явления, познать их, правильно реагировать на них, понимая

их смысл, т. е. осознавать эти явления» и в то же время совершенно не осознавать себя и своей деятельности²². Конечно, степень осознания себя, т. е. своих действий, побуждений, мыслей, бывает различной, но она никогда не является нулевой.

Сознательные состояния личности всегда сопровождаются чувством «я» — неотъемлемым базисом самосознания и его генетически наиболее примитивной формой. Даже при деперсонализации, несомненно свидетельствующей о нарушении сознания, наблюдается не потеря чувства «я», как тонко подметил французский психиатр Л. Дюга, а чувство потери «я». «Клиника показывает, что чувство собственного существования теряется только в коме, при обмороке, эпилептическом припадке, глубоко м сне без сновидений и, быть может, в аментивном состоянии» (М. О. Герцберг, 1961, стр. 56)²³.

Однако чувство «я», как правило, не существует для личности в чистом виде, т. е. в рафинированной сенсорной форме, включающей «схему тела», оно отягощено и слито с другими, генетически более поздними, в том числе и интеллектуально оформленными слоями «я». Можно сказать, что оно есть начало «видимой» части спектра «я», незаметно прорастающей из сферы бессознательного (в узком смысле!), с которым в своем нижнем пределе чувство «я» не имеет четкой демаркационной линии. И если мы говорим о наличии чувства «я» в указанном выше смысле, то это дает право свидетельствовать и наличие самосознания.

Весь спектр субъективных переживаний, присущих целостному «я», включает множество взаимособобщающихся уровней, среди которых наиболее значимые для зрелой личности связаны с этическим самоконтролем, стратегической перспективой, мироощущением и мировоззренческими убеждениями.

Выше мы попытались описать сознание посредством таких понятий, как «текущее настоящее», вектор активности и самосознание. Эти характеристики сознания не являются альтернативными, они скорее взаимодополняют друг друга, акцентируя разные аспекты единого. Явления самосознания выражаются постольку и «текущим настоящим» и вектором активности.

²² Нечто подобное, относящееся только к адекватным действиям, которые тем не менее остаются неосознанными, наблюдается при сомнамбулических состояниях, сопровождающихся нередко довольно сложными поведенческими актами, которые полностью амнезируются (см. *A. Kales et al.*, 1966). Описаны также факты, когда при опухоли или травме третьего мозгового желудочка (и несколько сзади от него) больной теряет сознание, но продолжает ходить и довольно адекватно реагировать на зрительные и слуховые раздражения (см. *У. Пенфильд и Г. Джаспер*, 1958). Однако такого рода состояния с полным правом нужно причислять к бессознательно-психическим.

²³ Впрочем, в другом месте этой же работы автор определенно говорит о наличии чувства «я» при аменции, подчеркивая, что оно проявляется здесь «в самой примитивной форме» (М. О. Герцберг, 1961, стр. 117).

Здесь следует заметить, что термин «сознание» (как и «самосознание») употребляется нередко в двух слабо дифференцируемых смыслах, несомненно очень близких и естественно переливающихся друг в друга, а именно: 1) как текущее состояние личности и 2) как свойство личности вообще. Во втором случае мы имеем более абстрактное значение, образуемое в результате обобщения множества текущих состояний в их исторической упорядоченности. Реально сознание существует только как текущее состояние личности, т. е. как «текущее настоящее» (иначе оно носило бы явно мистический характер), но это состояние продолжается: всякое текущее состояние есть продолжение протекшего и постольку вполне правомерно рассматривать сознание как нечто гораздо большее, чем просто текущее (осуществляющееся сейчас) состояние личности. Самосознание, подобно сознанию, не существует помимо «текущего настоящего», но точно так же не исчерпывается им. Продолжая анализ самосознания, определяемого весьма абстрактно как «я» или знание себя, можно ввести два разных термина для обозначения указанных различий: «текущее я» и «личностное Я». Если первое означает конкретную форму и фазу осознания себя в «текущем настоящем», то второе обозначает некоторое ядро возрастающего интеграла «текущих я», хранимого в памяти и лишь частично проявляющегося в данном «текущем настоящем». Точнее говоря, «текущее я» непременно содержит в себе какой-то момент или отдельный структурный комплекс «личностного Я» и само способно включаться тем новым, что оно несет в «личностное Я». Последнее же представляет собой отнюдь не застывшую, динамичную форму, безразличную к «текущему я». Структура «личностного Я» подвержена изменениям, что справедливо подчеркивает А. А. Меграбян (1966). Не исключено, однако, что в «текущем я» может быть преднамеренно отображено основное содержание «личностного Я».

Так как «личностное Я» проявляется только в «текущем я» и, следовательно, только в «текущем настоящем», всякое патологическое нарушение в области самосознания означает в то же время и патологию сознания в целом. Необходимо подчеркнуть, что мы имеем в виду патологические изменения, фиксируемые в любом слое, уровне структуры «личностного Я»²⁴, поскольку они свидетельствуют о той или иной степени его деструкции.

Среди психиатров тезис о том, что всякое нарушение сознания означает и нарушение самосознания, в основном, по-видимому, не встречает возражений (см., например, А. В. Снежнев-

²⁴ Подробное описание нарастающих степеней патологии «я», правда, в несколько иной плоскости анализа, а также основных этапов развития «личностного Я» (если употребить принятый нами термин) дано в фундаментальной монографии А. Эя (*Н. Еу*, 1963).

ский, 1955, стр. 236). Однако по поводу обратного утверждения, что всякое нарушение самосознания на любых его уровнях есть в то же время нарушение сознания, далеко не всегда существует достаточная ясность. Это видно, например, при внимательном чтении упоминавшейся уже монографии М. О. Герцберга, который помимо случаев помрачения сознания рассматривает в качестве особого класса патологических явлений так называемое парциальное нарушение сознания. Последнее описывается автором как «отсутствие сознания собственной болезни и отсутствие критики к своим высказываниям и поступкам при формальной сохранности ориентировки больного во внешней среде» (М. О. Герцберг, 1961, стр. 119; см. также стр. 156).

Здесь нарушение сознания четко связывается с нарушением самосознания; причем парциальному нарушению сознания соответствует парциальное же нарушение самосознания, поскольку в целом ряде отношений больной сознает себя, как это явствует из приводимых М. О. Герцбергом выписок из историй болезни.

Однако в дальнейшем автор допускает непоследовательность, считая, что некоторые формы нарушения самосознания совместимы с ненарушенным сознанием. «Несмотря на то,— пишет он,— что способность к абстрагированию своей личности (выделение «я») является, казалось бы, одной из существенных предпосылок развития сознания, клинические наблюдения (в том числе и наши) приводят к выводу, что даже при тяжелых нарушениях чувства «я» (например, при тотальной деперсонализации) сознание больного остается ненарушенным» (там же, стр. 160).

Что же является критерием ненарушенности сознания в данном случае? Опять-таки сохранность ориентировки во внешней среде. Но это обстоятельство почему-то не принималось во внимание, когда речь шла о парциальном нарушении сознания. Возникает логическая неопределенность, свидетельствующая о слабом теоретическом освоении эмпирического материала²⁵. Повидимому, указанный критерий является недостаточным, так как термин «сохранность ориентировки во внешней среде» слишком грубо описывает внутреннее психическое состояние и поведение больного, не говоря уже о многозначности этого термина. Если в некоторых отношениях (наиболее заметных в силу своей фундаментальности) можно говорить о сохранности ориентировки во внешней среде при тотальной деперсонализации, то в других отношениях, более сложных и тонких, подобное утверждение оказывается несостоятельным. Нам думается, что тщатель-

²⁵ В другом месте цитируемой монографии М. О. Герцберг отмечает, что в некоторых случаях нарушение чувства «я» связано с глубоким расстройством сознания (см. М. О. Герцберг, 1961, стр. 162).

ный клинический анализ обязан обнаружить в случае нарушения сознательного отображения себя также и нарушение сознательного отображения иного, ибо это две неразрывно связанные стороны сознания. Многообразие вариантов нарушения самосознания в психопатологии влечет такое же многообразие нарушений сознания вообще. Это становится достаточно очевидным при использовании тонких психологических и психопатологических тестов (см., например, А. Rabassini, S. Bernardi, 1965).

В этой связи следует хотя бы кратко остановиться на вопросе о специфике понятия сознания в психиатрии, так как с ним связаны острые дискуссии, что еще раз продемонстрировал весьма представительный московский симпозиум, посвященный проблеме сознания (1966).

Нельзя не согласиться с Л. Л. Рохлиным (1964, 1966) в том отношении, что прямой перенос философского понятия сознания в психиатрию мало продуктивен и что психиатрия имеет право на свое, специфическое понимание сознания, обусловленное клиническими целями. Можно добавить, что не только психиатрия, но и неврология должна формулировать свои специфические аспекты при описании сознания, на что указывают А. М. Вейн и Н. И. Гращенков (1966). Однако все эти специфические и прикладные определения сознания не должны противопоставляться гносеологической и общепсихологической трактовке сознания. Особенно важно подчеркнуть необходимость того, чтобы психиатрические определения сознания теоретически гармонизировали с психологическими. Чрезмерная автономия психиатрических определений способна лишь усугубить эмпирический хаос и растерянность перед лицом подавляющего разнообразия психопатологических феноменов.

В советской психиатрии еще в тридцатых годах М. А. Джагаровым и М. И. Коршуновой (1934) был поднят вопрос о теоретической правомерности отнесения к категории расстройства сознания лишь нескольких психопатологических синдромов; авторы выдвинули тезис о том, что всякое душевное заболевание связано с расстройством сознания, положив тем самым начало идущей до сих пор дискуссии. Одни психиатры полностью или с незначительными оговорками поддерживают и обосновывают этот тезис (И. Ф. Случевский, 1952, 1966; А. А. Меграбян, 1959, 1966; Г. Б. Абрамович, 1966; Н. М. Васюков, 1966; А. С. Борзунова, 1966, и другие). Другие, составляющие, по-видимому, большинство, решительно оспаривают допустимость квалификации любого психического заболевания как нарушения сознания (О. В. Кербинов, 1955; А. Л. Абашев-Константиновский, 1958, 1966; Л. Л. Рохлин, 1964, 1966; Е. С. Авербух, 1966; М. О. Герцберг, 1961, 1966; И. И. Лукомский, 1966; Е. Н. Каменева, 1966, и другие); при этом они ссылаются на потребности клинической практики, которая несомненно под-

тверждает обоснованность выделения как в диагностическом, так и в терапевтическом отношении синдромов, объединяемых под рубрикой нарушения сознания. Однако дело в том, что понятие нарушенного (расстроенного) сознания или помраченного сознания, а следовательно, и их антиподы — понятия ненарушенного и ясного сознания — настолько неопределенны, что при решении вопроса клиницист вынужден во многих случаях так или иначе отдаваться во власть интуиции. Чтобы убедиться в том, насколько прав Е. С. Авербух, признающий, что понятие «расстройство сознания» «еще достаточно расплывчато и нуждается в уточнении» (Е. С. Авербух, 1966, стр. 461) (но, как это ни странно, считающий его «теоретически обоснованным!»), достаточно привести описание расстройства сознания, данное М. О. Герцбергом: «К общим признакам разных видов помрачения сознания (здесь термин «помраченное сознание» употребляется как эквивалентный термину «расстроенное сознание». — Д. Д.) можно причислить: неотчетливое восприятие окружающего, затруднение или полная невозможность восприятия; беспорядочное, бессвязное, отрывочное, дробное отражение реального; дезориентировку во времени, месте, лицах, ситуации; разные степени бессвязности мышления, ослабление или невозможность суждений; затруднение запоминания происходящих событий и субъективных болезненных явлений» (М. О. Герцберг, 1961, стр. 49). К этому М. О. Герцберг добавляет, что критерием помраченного сознания является лишь совокупность перечисленных признаков, многие из которых, как нетрудно увидеть, настолько диффузны, что, руководствуясь ими, вряд ли возможно что-либо решить. Вводимое же автором понятие парциального нарушения сознания, будучи столь же неопределенным, может быть отнесено ко всякому психическому заболеванию и постольку явно выражает тенденцию к компромиссу с тезисом М. А. Джагарова и М. И. Коршуновой.

Противники указанного тезиса нередко ссылаются на то, что их оппоненты смешивают понятия сознания и психики. Но, как точно заметил Г. Б. Абрамович, «положение о неидентичности сознания и психики не подкрепляет точки зрения, согласно которой к расстройствам сознания следует относить лишь ограниченную группу психопатологических картин. Вряд ли можно считать синдромы, обычно относимые к рубрике расстройств сознания, результатом нарушения только сознательных процессов психики, и уж наверное никто не согласится относить прочие психические синдромы к расстройствам сферы неосознаваемых процессов» (Г. Б. Абрамович, 1966, стр. 548). К тому же «невозможно представить себе нарушение психической деятельности, при котором изолированно нарушались бы сфера сознательных или сфера неосознаваемых процессов» (там же, стр. 549).

Сторонники крайне узкой трактовки сознания в психиатрии не могут удовлетворительно справиться с целым рядом логических противоречий, в частности, совершенно необоснованно исключают бредовые синдромы из категории расстройств сознания: «мы не считаем правомерным, — утверждает И. И. Лукомский, — отнесение бредовых синдромов к расстройствам сознания, какими бы резкими ни были обусловленные бредовыми идеями изменения жизненных отношений больного с окружающей средой» (И. И. Лукомский, 1966, стр. 472). И. И. Лукомский считает, что в данном случае следует говорить о расстройстве мышления, а не о расстройстве сознания. Но такая трактовка бросает вызов фундаментальным психологическим представлениям, согласно которым мышление не может отделяться от сознания и противопоставляться ему. Одно из двух: либо психиатрическое понимание сознания (расстроенное, помраченное, ясное сознание и т. п.) претендует на полную автономию от психологического понимания сознания — и тогда оно должно быть определено со всей логической отчетливостью и получить ясное самостоятельное значение, либо оно должно идти в русле общепсихологического понимания и представлять его частный случай. В принципе, конечно, нельзя отрицать и первой альтернативы, ибо история науки знает примеры, когда традиционные термины наполнялись принципиально новым содержанием, обретая логическую независимость и становясь исходным пунктом нарождающейся теории. Однако ничего подобного сейчас в психиатрии нет. Мы видим, насколько неопределенно специфическое понимание сознания, противопоставляемое общепсихологическому, насколько оно расплывчато и неотработано даже в эмпирическом плане. В этих условиях, вне всякого сомнения, следует отдать предпочтение второй альтернативе, не говоря уже о том, что в методологическом отношении она является целиком обоснованной.

Что касается опасений сторонников критикуемой нами точки зрения в том, что широкая трактовка сознания приведет к утрате разграничений и клинических нюансов, действительно важных в диагностических, прогностических и терапевтических целях, к ликвидации специфики синдромов, обозначаемых обычно как расстройства сознания (в узком смысле), то эти опасения не имеют под собой серьезной почвы. Для указанных синдромов следует просто подобрать другое, более подходящее для них общее название. Это естественнее, чем порывать с общепсихологическим базисом или пытаться подобрать новое название для общепсихологического понимания сознания.

Возражая против использования в психиатрии общепсихологического понятия сознания, Л. Л. Рохлин пишет: «Разве целесообразно ставить в один ряд, покрывать «общей шапкой», именовать одним названием «нарушение сознания» и картину

брета, и картину аментивного состояния». Такой подход, продолжает он, «не оправдывает себя и практически, поскольку ведущим в клинике, как было уже указано, является дифференциация психопатологических явлений» (Л. Л. Рохлин, 1966, стр. 448). На это можно возразить, что «общая шапка» (если только она к лицу) выражает единство в различном, тождественное в многообразном и не подавляет специфики особенного и единичного, а лишь организует, упорядочивает многообразие единичного и особенного; в противном случае следовало бы признать никчемность любой «общей шапки», например, «нарушение сознания» (в смысле, признаваемом Л. Л. Рохлиным), поскольку под ней скрываются такие разные вещи, как делириозное, онсйроидное, аментивное и сумеречное состояния.

Кроме того, трудно согласиться с тем, что ведущим в клинике является дифференциация психопатологических явлений. Не менее важную роль для клиники играет интеграция психопатологических явлений. Только тесное единство обеих этих тенденций клинического мышления способно обеспечить оптимальные условия для развития психиатрии. Чрезмерный акцент на дифференциации (в ущерб противоположной тенденции) нередко приводит к тому, что за деревьями теряют из виду лес, за частью — целое, за единичным и особенным — общее, а это уже никак не способствует развитию теоретических построений в психиатрии, ибо усиливает и закрепляет в ней эмпирическое столпотворение.

Приведем еще характерное высказывание Е. Н. Каменевой: «Бесплодность использования в клинко-диагностических целях теоретического понимания сознания, как функции, сущностью которой является отражение действительности и регулирование взаимоотношений личности с окружающим миром,— вытекает из того, что при таком понимании, при всех психических заболеваниях следовало бы признать нарушение сознания и всякое дифференцирование их на основании данного критерия было бы невозможным» (Е. Н. Каменева, 1966, стр. 500. Курс. мой.— Д. Д.). Во-первых, это неправильно по существу, так как «теоретическое понимание сознания» может быть использовано в качестве базиса клинического анализа в самых различных направлениях, например, в плане выявления последовательных уровней патологии сознания, как это предлагается Г. Б. Абрамовичем (1966). Во-вторых, утверждение о бесплодности «теоретического понимания сознания» явно освящает грубый эмпиризм в психиатрии, закрывает пути для возникновения новых теоретических концепций, толкает ее на изоляцию от психологии, нейрофизиологии и других смежных дисциплин. Все это вряд ли отвечает современным нуждам психиатрии.

Разумеется, не только общепсихологические понятия и концепции оказывают существенное и неперемное влияние на раз-

витие психиатрии, но и, наоборот, важное значение для развития общей психологии имеют фактические данные и обобщения психиатрии. И это касается прежде всего проблемы сознания.

Выше, рассматривая концепцию Е. В. Шороховой, мы попытались показать, что сознание есть неразрывное единство сознания себя и сознания иного, т. е. содержанием любого сознательного акта («текущего настоящего») является единство двух противоположных психических модальностей: «я» и «не-я». Это относится не только к отображающей стороне сознательного акта, но и к его действенной стороне, т. е. и к содержанию «текущего настоящего», и к его вектору активности. Так, В. Клагес (W. Klages, 1964), опираясь на психологические, нейрофизиологические и психопатологические исследования, приходит к выводу, что побуждение как важнейшая психическая функция (он пытается доказать, что это — основная психическая функция) представляет собой органическое единство самопобуждения и инопобуждения.

Единство «я» и «не-я» выступает в форме динамического поля и характеризуется концентрацией и преимущественной актуализацией в данный момент одной из модальностей. Переменное соотношение полюсов структуры «текущего настоящего», всегда несущего в себе противоположные модальности «я» и «не-я», не достигает степени абсолютного противопоставления, ибо одно всегда является не только базисом соотношения для другого, но и необходимым фоном другого; таким образом, постоянно сохраняется информационное единство «я» и «не-я», без которого немислимо самосознание как таковое. При этом модальности «я» и «не-я» не являются жестко фиксированными, способны в ряде случаев изменять свой знак на противоположный, благодаря чему значительно расширяются возможности контролирования индивидом своих субъективных переживаний и действий. Это обуславливает, например, феномен естественного «раздвоения личности», связанный с самонаблюдением и достаточно четко выступающий во многих видах деятельности человека, особенно же в сценической деятельности актера. Анализируя работу оператора в биоэлектрической системе управления, П. В. Симонов и его соавторы пишут следующее: «Для успешного выполнения задания необходимо своеобразное «раздвоение личности» оператора, совпадающее с состоянием сценического переживания по К. С. Станиславскому. Речь идет о ярких образных представлениях, вызываемых по заранее намеренной программе, наряду с бесстрастным наблюдением за своими реакциями как бы со стороны» (П. В. Симонов, М. Н. Валуева, П. М. Ершов, 1964, стр. 49). Здесь проявляется специфическая черта человеческой саморегуляции, обусловленная интеграцией антиномичных модальностей всякого сознательного акта, которая позволяет личности делать для себя свои пере-

живания, качества, действия — «другим» (т. е. делать их *объектом* в такой же мере, как, например, соседний дом или лицо проходящего мимо человека) и, наоборот, делать для себя «другое» (например, мысли, манеры, чувства и опыт другого человека и т. п.) — «своим»²⁶.

Психопатология демонстрирует различные варианты расстройств, диссоциации как «текущего настоящего», так и личности в целом. При этом обнаруживается, что расстройство сознания (взятого в общепсихологическом смысле) затрагивает в той или иной степени каждую из противоположных модальностей («я» и «не-я»). Специфически человеческий способ саморегуляции — сознательная деятельность — определяет и специфические типы человеческой психопатологии. Характерно, что выраженные патологические изменения личности, необходимо затрагивающие сознательную сферу, имеют в качестве диффузного прообраза те или иные черты, отдельные фрагменты и динамические моменты нормального сознательного поведения, что создает впечатление их непомерной гипертрофии или дезинтеграции. Это может быть прослежено на множестве примеров — от знакомого каждому из нас чередования периодов приподнятости духа и его подавленности до маниакально-депрессивного психоза, от не выходящей за пределы нормы квазиамбивалентности (см. Н. U. Ziolk, 1966) до шизофренической амбивалентности, от феномена естественного «раздвоения личности» до феномена «расщепления», который выражает, по словам М. Блейера (M. Bleuler, 1964), основное расстройство при шизофрении. И естественно, что большинство психиатров склоняется к мнению об антропологической специфичности шизофрении (см. К. Р. Kisker, 1964).

Данные психиатрии и пограничных с нею дисциплин свидетельствуют, что осознание предметного мира (иносознание) и осознание себя (самосознание) образуют единую психическую структуру. При нарушении иносознания всегда могут быть обнаружены определенные нарушения самосознания, если включить

²⁶ В отдельных случаях такого рода свойство «раздвоения личности» достигает чрезвычайно высокого развития, что обуславливает необычные для большинства людей черты и формы поведения личности. Подобный случай описан А. Р. Лурия, которым проведено тщательное психологическое исследование человека, обладавшего выдающейся памятью. Обобщая результаты своих наблюдений и экспериментов, А. Р. Лурия, в частности, отмечает: «Возможность «видеть» и «остранять» себя, превращая свои переживания и действия в образ того, что «он» переживает и делает по «моему» приказу,— все это может иногда сильно помогать произвольной регуляции поведения,— мы уже видели это, когда речь шла об управлении вегетативными процессами или об устранении боли путем отнесения этой боли к другому человеку» (А. Р. Лурия, 1968а, стр. 84). И далее А. Р. Лурия подчеркивает, что такое «остранение» часто может вместе с тем и препятствовать полноценному управлению поведением. Это скорее всего указывает на то, что оптимальное поведение связано именно с переменным соотношением противоположных модальностей («я» и «не-я»).

в класс нарушений самосознания те явления, которые С. Ф. Семенов характеризует как «вторичные симптомы нарушения самосознания» (С. Ф. Семенов, 1966, стр. 242), а не только те, которые традиционно формулируются большинством психиатров. Однако, если даже иметь в виду те нарушения самосознания, которые удовлетворяют наиболее распространенным клиническим критериям, то и в этом случае прослеживается довольно отчетливая их связь с нарушениями осознания внешнего мира. Так, например, Г. Б. Абрамовичем (1959) показано, что в основе некоторых симптомов деперсонализации лежит расстройство константности восприятия. С. Ф. Семенов подчеркивает «тесную зависимость явлений патологии самосознания от нарушенного предметного восприятия окружающего мира» (С. Ф. Семенов, 1966, стр. 246). Большой материал на этот счет приведен и проанализирован им в его монографии, где, в частности, описывается такое патологическое явление, как «снижение управляемости психическими процессами» (С. Ф. Семенов, 1965, стр. 216 и др.), несомненно указывающее на нарушение сферы самосознания, ибо последняя не может быть сведена только к гностическим функциям и включает в равной мере и волевые функции.

Приведенные выше соображения и фактические данные позволяют считать тезис Е. В. Шороховой о самосознании как виде сознания неубедительным²⁷. В такой же степени нельзя согласиться с ее утверждением, что «самосознание представляет собой *высший вид сознания*» (Е. В. Шорохова, 1961, стр. 263. Курс. мой.— Д. Д.). Если принять последнее утверждение, то из него последовало бы, что, например, размышление об отрицательных чертах своего характера есть качественно более высокий сознательный акт по сравнению с размышлением о структуре атомного ядра.

Е. В. Шорохова в большинстве случаев употребляет термин «самосознание» в смысле «знание о себе», но такое знание невозможно без знания об ином и, наоборот, знание об ином невозможно без знания о себе. Это диалектическое единство противоположностей может быть обнаружено в любом сознательном акте, который со своей гностической стороны представляет собой не только отображение некоторого объекта, но и отображение отображения. Здесь коренится отличительный признак человеческого способа саморегуляции как сознательной деятельности. Без самосознания нет сознания, ибо сознание, по характеристике К. Маркса и Ф. Энгельса, есть «мое отношение к моей среде» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 29, *примечание*).

²⁷ Этот тезис подвергается критике в рецензии Н. Куна (*И. Куна*, 1964) на монографию Е. В. Шороховой; автор рецензии подчеркивает, что самосознание есть проявление, одна из черт, сторон сознания.

§ 14. Субъективные явления как предмет исследования. Проблема самонаблюдения (интроспекции)

Выше было показано (§ 12), что субъективные явления, образующие сферу сознательных переживаний личности и удовлетворяющие требованию идеальности, не исчерпывают всего множества психических явлений. Несмотря на то, что они теснейшим образом связаны как с бессознательными психическими процессами, так и с действиями личности, имеется достаточно оснований, чтобы выделить их в особый класс психических явлений и поместить в фокус научного анализа. Это объясняется тем, что они составляют существенное и необходимое свойство личности, причем свойство наиболее труднодоступное для полноценного исследования, поскольку оно резко отличается от традиционных объектов естествознания.

Психология не в состоянии уйти от изучения этого свойства. Как бы ни стремились некоторые психологические направления элиминировать это свойство под самыми благовидными предлогами или опереться на такую систему понятий, которая не несла бы прямой ответственности за обращение к этому свойству, оно так или иначе неотступно витало над всеми подобными психологическими построениями, создавая фон, оттеняющий их ограниченность. История психологии прошлого века демонстрирует в общих чертах два этапа: на первом господствовала интроспективная психология, на втором, примерно с конца прошлого столетия,—поведенческая психология (под последней мы имеем в виду все те весьма разнообразные психологические направления, находившиеся в большей или меньшей оппозиции к интроспекционизму и ставившие своей целью исследование поведения с помощью экспериментальных методов, типичных для естественных наук).

В настоящее время, как нам кажется, назревает новый этап развития психологии, связанный с возвратом специального интереса к субъективным явлениям и зарождением надежных методов их исследования. Разумеется, это не будет возвратом к старому интроспекционизму, хотя и потребует реабилитации некоторых поставленных им вопросов.

Интроспективная психология прошлого века, отгороженная от естествознания, действительно очень мало походила на науку. Однако многие ее материалы и обобщения представляют определенную ценность и входят в фонд современной психологии. Во всяком случае было бы неправильно расценивать усилия старой интроспективной психологии как совершенно бесплодные, а ее результаты как сплошное заблуждение. Нельзя согласиться и с категорическим выводом Э. Боринга, что «интроспекция оказалась нежизнеспособной и постепенно вышла из употребления» (E. G. Boring, 1953, p. 169).

Интроспекционистское течение никогда не иссякало на Западе. Оно оказало сильное влияние на развитие тех направлений психиатрии, которые тесно связаны с экзистенциализмом, а также на целый ряд идеалистически ориентированных психологических концепций. Это обстоятельство важно иметь в виду, так как установки «чистого» интроспекционизма были весьма созвучны не только субъективно-идеалистическим, но и объективно-идеалистическим взглядам и широко использовались для принижения результатов экспериментальной психологии в целях борьбы против материализма и проповедей религиозно-мистического и агностического толка, которые нетрудно встретить в объемистых руководствах по психологии, принадлежащих перу ряда ведущих психологов Запада. Так, например, Г. Рорахер всерьез полагает, что понятие души (в смысле метафизической психологии) нисколько не противоречит современному естествознанию (H. Rohracher, 1960) и что психология и теория деятельности мозга опровергают материализм (H. Rohracher, 1948). Немецкий психолог Ф. Лерш, рассуждая о «надбиологическом мире духа», приходит к убеждению, что «глубочайшие и самые последние отношения человеческого духовного бытия лежат далеко за пределами всей эмпирической психологии. Метафизические тайны личности, то, что бог задумал с каждым индивидом, не может быть рационально понято, сделано предметом вопроса, на который возможен ответ» (Ph. Lersch, 1962, S. 553). Число подобных примеров можно было бы сильно увеличить. Но дело не в количестве примеров. Нам важно подчеркнуть тот факт, что связь интроспекционизма с идеалистическими тенденциями в психологии, а иногда и с откровенным спиритуализмом, сыграла не последнюю роль в том, что марксистская философская и психологическая литература изобилует резко отрицательными оценками метода интроспекции (самонаблюдения). И эти оценки справедливы, если иметь в виду интерпретацию указанного метода, даваемую с идеалистических позиций. Однако метод самонаблюдения может быть интерпретирован совершенно противоположным образом, не говоря уже о том, что он оказался неустранимым из психологии, так как отвечал потребностям описания и изучения субъективных явлений. Несмотря на все свои несовершенства, он продолжает оставаться в арсенале средств современной экспериментальной психологии; официально он отрицается лишь крайними бихевиористами и некоторыми советскими психологами (но даже здесь во многих случаях он отрицается лишь в теории).

К каким следствиям приводит действительное, последовательно проводимое отрицание метода самонаблюдения и всей интроспективной психологии, показал Д. Уотсон — общепризнанный основатель американского бихевиоризма. Последовательность могла быть соблюдена здесь только при одном усло-

вии: нужно было решительно изъять из системы психологического описания и объяснения понятие сознания и всякий намек на субъективные явления. Как известно, Уотсон сделал это. «Всякий начинающий психолог, который не хочет отказаться от сознания со всеми его прошлыми хитросплетениями, должен причалить к другой пристани» (Дж. Б. Уотсон, 1926, стр. XIV). «Человек есть животное речевого поведения»; «мышление независимо от своего характера есть сложный телесный процесс» (там же, стр. 296).

Однако подобный радикализм, конечно, не мог не привести к слишком упрощенным схемам поведения. Позднее Е. Толмен, стремясь преодолеть некоторые чрезмерные упрощения, вводит неявно в систему бихевиористских понятий фактор цели поведения и понятие «промежуточные переменные», которое, по существу, обозначало сознание, субъективное. Аналогичные маневры предпринимали и другие последователи Уотсона, причем некоторые из них, например К. Лешли, проделывают сложную эволюцию в сторону гештальтизма и заканчивают тем, что восстанавливают в полных правах категорию сознания, стремясь лишь к нейрофизиологической интерпретации субъективных феноменов. Об этом свидетельствуют работы последнего периода жизни К. Лешли (K. S. Lashley, 1953, 1958).

Нет нужды доказывать, что американский бихевиоризм, широко использовавший достижения И. П. Павлова и его школы, внес значительный вклад в психологию. Однако он отчетливо продемонстрировал ограниченность так называемого чисто объективного подхода к изучению человеческого поведения и пределы его возможностей, а в конечном итоге — несостоятельность предложенных Уотсоном методологических принципов. Позитивистская сущность этих методологических принципов подчеркивается не только марксистами (см., например, В. А. Лекторский, 1967), но и психологами, весьма далекими от диалектического материализма²⁸. Идейным вдохновителем бихевиоризма был Огюст Конт (1900), у которого Уотсон заимствовал бескомпромиссное осуждение интроспективной психологии и общую интерпретацию опытного исследования. Важно подчеркнуть и то обстоятельство, не получившее почему-то освещения в нашей литературе, что на формирование методологических установок бихевиоризма оказал сильное влияние прагматизм Джемса. Интересно, что Джемс-психолог имеет весьма отдаленное отношение к бихевиоризму, но Джемс-философ — самое непосредственное. «Радикальный эмпиризм»²⁹ Джемса (1910) и выводимые

²⁸ Связь бихевиоризма с позитивизмом и операционализмом Бриджмена хорошо показана П. Фрессом (см. П. Фресс и Ж. Пиаже, 1966, стр. 67, 72, 77, 79—80).

²⁹ Провозгласив «радикальный эмпиризм», Джемс то и дело нарушает обет эмпирического целомудрия в пользу кантовской метафизики, что мы попытались показать в одной из работ (см. Д. И. Дубровский, 1962).

из него методологические установки ближайшим образом предопределили трактовку Уотсоном понятия «поведение» и главного исследовательского принципа бихевиоризма «стимул-реакция». Следует иметь в виду и тот факт, что Уотсон был учеником Дж. Энджелла, который в свою очередь был учеником Джемса

Современные американские психологи, продолжающие линию бихевиоризма, в большинстве случаев также отрицают за самонаблюдением значение научного метода. Это особенно ярко выражено у К. Спенса (K. W. Spence, 1960), одного из наиболее видных представителей и теоретиков бихевиористского направления. Примерно на тех же позициях стоит К. Осгуд, подчеркивающий, что данные самонаблюдения не могут быть верифицированы и, следовательно, не представляют ценности для исследователя. «Объектом наблюдения,— пишет он,— может быть только эффект мышления, а не сам процесс мышления» (С. Е. Osgood, 1964, p. 648). Отсюда, по его мнению, вытекает, что психолог не располагает средствами изучения самого процесса мышления и должен довольствоваться лишь изучением его внешних эффектов; при этом само понятие мышления становится весьма призрачным и необязательным. То же самое относится и к понятиям ощущения, восприятия, представления и т. п., обозначающим идеальные психические явления. Подобные понятия теряют смысл, если с их помощью пытаются обозначить чисто объективные изменения, т. е. эффекторные акты.

Мыслительный процесс и связанный с ним поведенческий акт нельзя отождествлять, ибо некоторые мыслительные процессы могут, во-первых, протекать независимо от сопутствующих им поведенческих актов; во-вторых, они могут весьма существенно не совпадать в содержательном отношении друг с другом, протекая одновременно. Наконец, важно подчеркнуть, что высшие формы мыслительных процессов, характерные для теоретических поисков и творческих решений, принципиально невозможно описать и объяснить с помощью эффекторных и поведенческих актов; здесь особенно отчетливо выступает неоднозначная зависимость между процессом мышления и поведенческими явлениями, невозможность сведения первого ко вторым. Мыслительный процесс, или, говоря точнее, процесс идеального моделирования действительности, как уже отмечалось, обладает большей динамичностью и содержательностью, чем действия личности во внешнем плане; иначе идеальное моделирование не было бы способно выполнять свои специфические функции (упреждения, планирования, выбора адекватных в данной ситуации действий и т. п.).

Из сказанного, конечно, не вытекает, что поведенческие акты и их фрагменты вообще не могут служить индикаторами мыслительного процесса. Тем не менее описание действий само

по себе недостаточно для понимания и объяснения мыслительного процесса. Здесь всегда оказывается некоторый «остаток». Для того чтобы психологически описать идеальное моделирование, необходимо прибегнуть к таким понятиям, которые обобщают факты самонаблюдения и, несмотря на всю их неточность, все же выполняют свою неперемнную базисную функцию. Что касается объективных эквивалентов процессов идеального моделирования, то ими являются не внешние эффекторные акты, а мозговые нейродинамические процессы, ответственные непосредственно за идеальное моделирование.

Поскольку понятия о мышлении, восприятии, воображении и т. д. не могут быть без остатка сведены к поведенческим актам, но тем не менее имеют смысл, они так или иначе опираются на эмпирический материал, доставляемый самонаблюдением.

В нашей философской и психологической литературе вопрос о сущности самонаблюдения исследован крайне слабо. Многие авторы занимают позиции, неотличимые от бихевиористских. При этом они, как правило, ссылаются на И. П. Павлова. Однако такого рода ссылки основаны явным образом на недоразумении, проистекающем из крайне абстрактного подхода к вопросу. Во-первых, И. П. Павлов был физиологом, и его чисто объективный метод обусловлен физиологическими целями. Во-вторых, И. П. Павлов, как известно, не отрицал психологии и ее права на исследование субъективного мира человека, считая такое исследование первейшей задачей психологии. Более того, И. П. Павлов, признавая метод самонаблюдения ценным в психологической области, сам дал пример его плодотворного использования, проанализировав на себе симптомы послеоперационного невроза сердца (см. М. К. Петрова, 1930).

Не может не вызывать удивления то обстоятельство, что подавляющее большинство авторов, отрицающих метод самонаблюдения, не утруждают себя специальным анализом этого метода и обоснованием его отрицания, принимая такое отрицание как нечто само собой разумеющееся. В связи с этим в нашей психологической и психиатрической литературе нетрудно встретить вопиющие логические противоречия и двусмысленности. Приведем пример из уже упоминавшейся монографии М. О. Герцберга. Автор начинает с того, что решительно осуждает метод самонаблюдения (интроспекции), относя его к подспорьям идеалистических концепций в психиатрии. «В основе этого метода,— пишет он,— лежит психологизирование, изучение самосознания вне пределов опытного познания, игнорирование особенностей материального субстрата психики — мозга и его функциональных нарушений, игнорирование вопросов психопатологии» (М. О. Герцберг, 1961, стр. 43). Казалось бы, после такой аттестации метода самонаблюдения использование его

автором, стоящим на марксистских позициях, должно быть исключено. Однако уже через несколько страниц М. О. Герцберг как ни в чем не бывало начинает активно использовать результаты самонаблюдения, основывая на них свои теоретико-клинические выводы и обобщения (М. О. Герцберг, 1961, стр. 58—59, 72, 89). А дальше, вне всякой связи с предыдущим, автор уже полностью реабилитирует метод самонаблюдения: «Использование способности человека к самонаблюдению приобретает в клинической психиатрии значение объективного метода. На основе расспроса больного о его переживаниях психиатры могут, как известно, произвести дифференциацию между навязчивыми и бредовыми идеями, установить факт наличия галлюцинаций, использовать самонаблюдение больного при психотерапии и т. д.» (там же, стр. 122).

Остановимся несколько подробнее на вопросе о месте метода самонаблюдения в современной психологии, а также в смежных с нею дисциплинах.

В последнее время психология обогатилась новыми методами и существенно видоизменила многие старые методы исследования. Классические методы наблюдения и эксперимента получили многообразные модификации, усовершенствовались приемы регистрации и анализа экспериментальных данных. Большое значение в развитии психологических исследований приобрело использование методов теории информации (см. Н. Quastler, 1956; F. Attneave, 1959; M. Strizhenec, 1963; J. Ekel, 1964, и др.) и математических методов (см. G. A. Miller, 1964; «Психологические измерения», 1967); усилилась тенденция к кибернетическому объяснению поведенческих актов и психики в целом. Однако все эти бесспорно прогрессивные сдвиги не только не покончили с методом самонаблюдения, а, наоборот, показали неустранимость этого метода из психологии при всех его очевидных слабостях.

Следует отметить, что в последние годы некоторые философы и психологи социалистических стран подчеркивали в своих работах важность метода самонаблюдения, нарушая тем самым сложившуюся традицию (И. Х. Мъркулеску, 1959; М. Креutz, 1960; М. Rostohar, 1964; К. М. Гуревич, 1965; И. И. Иванова и В. Г. Асеев, 1969, и другие). Особенно должна быть отмечена в этом отношении работа М. Крейца, который, тщательно проанализировав недостатки метода самонаблюдения, вместе с тем убедительно показал его фундаментальное значение для психологии, ибо «без интроспекции исследование сознательных психических процессов невозможно» (М. Креutz, 1960, s. 79). Как замечает М. Крейц, отрицание интроспекции психологом выглядит так же, как если бы физик, занимающийся изучением цвета, намеренно завязывал себе глаза и пользовался только осязанием в процессе работы с экспериментальной аппаратурой.

Без интроспекций, подчеркивает автор, мы в принципе не могли бы знать, что сознательные процессы вообще существуют, и не могли бы изучать их с содержательной стороны; «для исследования сознательных психических процессов всегда необходимо сочетание с предметными методами метода интроспекции» (там же, стр. 85). Вместе с тем М. Крейц справедливо отмечает, что «наука, опирающаяся только на интроспекцию, не имела бы ни малейших шансов для развития» (там же, стр. 87). С этими выводами нельзя не согласиться.

Самонаблюдение имеет в своей основе такое неотъемлемое свойство сознательного акта, как его рефлексивность, т. е. способность отображения не только некоторого объекта, но и отображения этого отображения. Всякий сознательный акт, как было показано, представляет двуединый процесс осознания себя и осознания иного. Поэтому наблюдение за внешним объектом связано с наблюдением себя; момент самонаблюдения присутствует во всяком процессе наблюдения внешнего объекта, несмотря на то, что вектор активности направлен в данном случае вовне. Акт самонаблюдения в точном смысле слова осуществляется в результате обращения вектора активности на себя; но и здесь нет полного отрешения от внешнего мира, абсолютного ухода в себя, ибо внешнее остается более или менее отчетливым фоном, оттеняющим внутреннее (содержание, относящееся к личности и ее психическим переживаниям). Самонаблюдение как «слежение» за своими субъективными состояниями есть форма самоконтроля личности; причем понятие самоконтроля в полной мере относится и к поведенческим и к познавательным актам. «Действия» во внутреннем плане (размышление, идеальное моделирование действительности вообще) требуют не в меньшей степени самоконтроля, чем реальные действия во внешнем плане. Если самонаблюдение ненадежно, то самоконтроль неэффективен.

Самонаблюдение, по всей вероятности, дает истинные результаты не реже, чем наблюдение за внешними объектами. У нас нет серьезных гносеологических оснований для принижения самонаблюдения как чего-то совершенно ненадежного, ибо в противном случае мы не могли бы доверять себе, т. е. своим ощущениям и восприятиям, мыслям и оценкам. Результаты самонаблюдения, с которыми имеет дело психолог, представляют собой эмпирический материал, мало чем в сущности своей отличающийся от результатов обычного наблюдения. Разумеется, описание личностью своих текущих субъективных состояний, прошлых субъективных состояний (в тех или иных ситуациях), описание своего жизненного опыта и всевозможные самооценки — все эти акты, относящиеся к самонаблюдению, имеют свои специфические особенности, которые необходимо учитывать (в сравнении с описаниями и оценками, относящимися к наблю-

дению). Прибегая к результатам самонаблюдения, психолог может получить такую информацию, какую он не способен получить никаким иным путем. Результаты самонаблюдения, воплощенные в устной или письменной речи, всегда фигурируют в качестве необходимого фактора общения личностей и их взаимопонимания.

Когда обсуждается вопрос о научном характере метода самонаблюдения, то следует иметь в виду не результаты самонаблюдения вообще, а приемы их получения психологом, последующей интерпретации, соотнесения с другими данными и включения обработанных результатов в систему психологических знаний. Иными словами, необходимо различать результаты, если так можно выразиться, *естественного* самонаблюдения от результатов самонаблюдения, *организованного психологом* (или психиатром), т. е. вызванных в определенных условиях и с определенной целью. Хотя организованное самонаблюдение базируется на естественном самонаблюдении, только первое из них представляет обсуждаемый метод. В ряде сравнительно простых случаев, когда возможен точный учет условий и воздействующих факторов, результаты самонаблюдения могут быть воспроизведены и верифицированы (в качестве примера можно привести эксперименты с сенсорной изоляцией — см., например, обзорную статью В. М. Банщикова и Г. В. Столярова, 1966). В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что дальнейшее развитие, усовершенствование метода самонаблюдения предполагает разработку приемов статистически достоверного воспроизведения результатов, что должно опираться на разработку проблемы типологии личностей.

Допустимо различать два вида исследований с помощью метода самонаблюдения: 1) анализ результатов собственного самонаблюдения, 2) использование результатов самонаблюдения испытуемых лиц. Обе разновидности исследования могут быть совмещены. В первом случае речь идет об аутоэксперименте, результаты которого, разумеется, могут быть использованы другими исследователями, или же о систематическом самонаблюдении, проводимом исследователем с определенной целью (в какой-либо чрезвычайной ситуации или в условиях болезни и т. п.; например, особенную ценность имеют материалы самонаблюдения слепоглухонемой О. И. Скороходовой (1954); как показал Т. Гайдукевич (Т. Hajdukevič, 1959), они представляют исключительный интерес для исследования человеческой психики). Во втором случае психолог (или психиатр) организует самонаблюдение у испытуемых лиц, ставя перед собой либо клиничко-диагностические цели, либо задачу диагностирования определенных качеств нормальной личности, либо другие общепсихологические вопросы или вопросы из области социальной психологии. Здесь, как правило, результаты самонаб-

людения сопоставляются с результатами наблюдения за испытуемыми, а также, что очень важно, с различными объективными тестами.

Следует иметь в виду то обстоятельство, что «между наблюдением и самонаблюдением,— как отмечает Поль Фресс,— существуют переходные ступени» (П. Фресс, Ж. Пиаже, 1966, стр. 115). Возможны и перспективны такого рода психофизиологические исследования на себе, при которых экспериментатор фиксирует свои субъективные состояния, сопоставляя их с параллельными показаниями приборов, фиксирующих объективные изменения. И хотя история медицины, например, свидетельствует о том, что выдающиеся врачи нередко ставили себе ошибочные диагнозы, это не является решающим аргументом против самодиагностики, причем не только в медицинском смысле. По нашему убеждению, в будущем самопознание личности (в медицинском, психологическом, этическом и других отношениях) пойдет во все большей мере по линии усилий заинтересованной в этом личности, а не по линии услуг со стороны специализирующихся в данном отношении лиц (для того чтобы эта тенденция укрепились и созрела в господствующий принцип, необходимы соответствующие социальные, культурные и в том числе научные предпосылки).

Необходимо подчеркнуть большую актуальность теоретических исследований вопросов, касающихся сущности метода самонаблюдения и путей его дальнейшего усовершенствования. Это объясняется тем, что, как мы уже отмечали, психология и смежные с ней дисциплины снова начинают концентрировать свое внимание на субъективных явлениях, сознании как таковом, чему не в малой мере способствуют достижения нейрофизиологии и кибернетики, еще и еще раз демонстрирующие невозможность игнорирования проблемы сознания. Те разделы нейрофизиологии и кибернетики, которые обращены к проблемам человеческой психики, так или иначе вынуждены привязывать свои объяснительные модели и концепции к интроспективной феноменологии, поскольку именно она наиболее непосредственно описывает реальную психическую жизнь человека, точнее, ее ядро, т. е. мир субъективных явлений.

Такое перспективное направление кибернетики, как эвристическое программирование, широко использует результаты самонаблюдения. Крупнейшие специалисты в этой области Э. Фейгенбаум и Дж. Фельдман отмечают: «Многие работы по моделированию процессов познания сводятся к изучению протокола опроса испытуемого, произносящего свои мысли вслух» (Э. Фейгенбаум, Дж. Фельдман, 1967, стр. 280).

Вот что пишут по этому вопросу Дж. Миллер, Е. Галантер и К. Прибрам: «Конечно, если термин «научный» означает, что все словесные отчеты испытуемых следует игнорировать, тогда,

конечно, изучение мышления на том уровне, который нужен для программирования счетных машин или для понимания неврологии или физиологии мозга, становится невозможным» (Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам, 1965, стр. 212).

Задача заключается не в том, чтобы отбросить психологические понятия и заменить их понятиями, лишенными интроспективного содержания (это невозможно!), а в том, чтобы добиться корректного описания субъективных феноменов. Отбрасывая же указанные понятия, вместе с ними отбрасывают и актуальнейшие проблемы современной науки, в том числе и психофизиологическую проблему.

Укажем на некоторые конкретные направления научных исследований, активизировавшихся в последнее время и настоятельно требующих для своего дальнейшего развития теоретического анализа сущности самонаблюдения. Это прежде всего методика анкетного опроса, применяемая в социально-психологических и других психологических исследованиях. «Метод анкет,— пишет П. Фресс,— имеет очень большое значение. Помимо того, что он заменяет гипотетические наблюдения быстро получаемыми данными, он позволяет собрать такую информацию о поведении, которая вообще недоступна прямым наблюдениям» (П. Фресс, Ж. Пиаже, 1966, стр. 115). Важную роль приобрел метод самонаблюдения в его различных модификациях в авиационной и космической психологии. Об этом свидетельствуют результаты самонаблюдений советских космонавтов во время полетов и выхода в космическое пространство (А. А. Леонов и В. И. Лебедев, 1966). Вряд ли нужно доказывать, какое значение имеет и всегда имел метод самонаблюдения для психиатрии. Чтобы в должной мере оценить это, достаточно познакомиться хотя бы с классической монографией В. Х. Кандинского (1952).

В последнее время большое развитие получила психофармакология и пограничная с ней область экспериментальной психопатологии, где первостепенную роль играют сейчас аутоэксперименты с анализом результатов самонаблюдений после приема различных психотропных препаратов. Определенный вклад в этом направлении внесен чехословацкими психологами и психиатрами, изучившими на себе эффект действия серии галлюциногенов — вызываемые ими расстройства восприятия, мышления, эмоциональной сферы, что служит разработке узловых вопросов сравнительной психопатологии (S. Grof, 1964; M. Vojtechovsky, 1966, и др.). Немалый интерес представляют результаты самонаблюдения при изучении переходных состояний между сном и бодрствованием, так называемого дремотного состояния (А. М. Халецкий, 1966б) и его связей с патопсихологическими и бессознательными явлениями; именно результаты самонаблюдений образуют здесь предмет, подлежащий нейро-

физиологической интерпретации, в чем за последнее время достигнуты значительные успехи (см. W. Kuhlo, D. Lemann, 1964). Большое значение имеет метод самонаблюдения при решении вопросов гипнопедии, о чем может свидетельствовать, например, аутоэксперимент И. Балхашова (1965). Наконец, следует отметить существенное место, занимаемое указанным методом не только в клинической медицине, где данные анамнеза и так называемые субъективные симптомы никогда не могут быть сброшены со счетов, но и в профилактической медицине. Имеется целый ряд ответственных гигиенических задач, решение которых опирается на анализ результатов самонаблюдения. Сюда относятся задачи нормирования оптимальных микроклиматических условий, определения «зон комфорта» и т. п. По этим вопросам среди гигиенистов идут дискуссии; причем характерно, что те из них, которые выступают против использования результатов самонаблюдения испытуемых под предлогом субъективности этих данных, демонстрируют слишком очевидную теоретическую непоследовательность и в конечном итоге невольно опираются на то основание, которое ими декларативно отвергается³⁰.

Предпринятый нами краткий обзор имел целью показать научную ценность метода самонаблюдения и чисто словесный характер его устранения из психологии и других дисциплин, а также острую потребность дальнейших теоретических исследований природы интроспективных данных и усовершенствования приемов их анализа и использования при изучении человеческой психики. Современная наука, общественная практика все более настоятельно выдвигают на первый план фундаментальную проблему сознания, задачу объяснения субъективных явлений и эффективного управления ими (что имеет первостепенное значение для всестороннего развития личности), разработку таких теоретических концепций и экспериментальных подходов, которые позволили бы устранить разрыв между интроспективной феноменологией и естествознанием.

³⁰ Подробное обсуждение этих вопросов и обоснование научной правомерности использования результатов самонаблюдения при решении указанных задач дано в работе: Г. Б. Смольский, М. С. Песмянова, Д. И. Дубровский (1964).